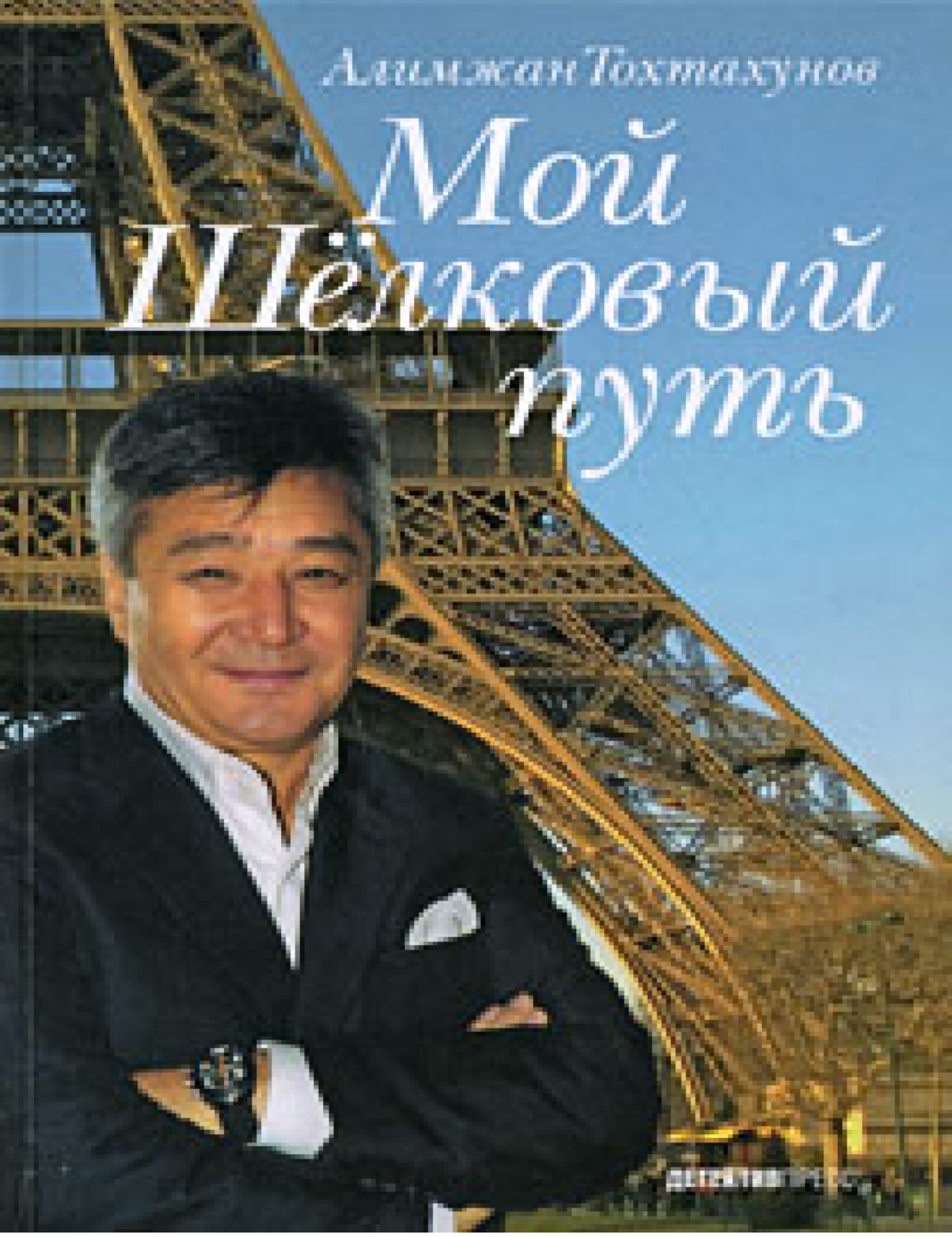
Алимжан Тохтахунов
Мой Шёлковый путь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Венецианец Марко Поло был купцом; по Шелковому пути, который проделывали древние торговые караваны, он добрался до Китая и, облагодетельствованный самим императором, возвратился в Европу. Там он попал в тюрьму и написал книгу своей жизни. Алимжан Тохтахунов прошел свой «шелковый путь» и в конце этого пути очутился в венецианской тюрьме. Эта книга рассказывает о непростой судьбе непростого человека, имя которого стало одним из самых известных в новейшей российской истории.

- Алимжан Тохтахунов
  -
  - В качестве предисловия
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5

Алимжан Тохтахунов
Мой Шелковый путь

На крыльях времени уносится печаль.

ЛАФОНТЕН

Считаю блаженными тех, кому милостью богов даровано либо делать то, что достойно написания, либо писать то, что достойно прочтения.

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ

Литературная запись Андрея Ветра

В качестве предисловия

Книга, которую я написал, охватывает лишь небольшую часть моей жизни. Жизнь моя оказалась настолько многогранной, что, рассказывая обо всем в подробностях с самого начала и до сегодняшнего дня, я не вместил бы мою историю и в десять томов. Кроме того, есть много вещей, которые мне просто не хотелось бы обнародовать сегодня. Не убежден, что стану упоминать о них когда-нибудь вообще. Во-первых, с каждым человеком происходили события слишком личные, чтобы делать их достоянием общественности. Во-вторых, многое в моей жизни касается не только меня одного, но и моих друзей, а это накладывает на меня определенные нравственные ограничения. Я не разоблачаю никого в моей книге и не пытаюсь заклеймить позором – это не в моих правилах. Существует немало любителей порыться в чужом белье, пусть они и занимаются поисками грязных сплетен и сенсационных «тайн» чужих жизней.

Каждый человек проживает жизнь по-своему. Чем-то она похожа на другие, чем-то отличается. В каждом из нас притаилось зло, но в каждом живет и добро.

Многие предпочитают «вырвать» отдельные страницы своей жизни, чтобы никогда не вспоминать об испытанных унижениях, обидах, горечи. Многие открыто признаются, что с удовольствием «переписали» бы целые годы, чтобы никогда в памяти не возникало ни капли стыда.

За шестьдесят лет мне довелось повидать всякое, но я не отказываюсь ни от одного дня, ни от одного мгновения из тех, что выпали на мою долю. Немало было таких, которые написаны черной краской, но и от них я не отказываюсь, потому что каждый прожитый день я оцениваю сегодня только как приобретенный опыт. Иногда этот опыт был страшно болезненный, иногда доводил до отчаяния, иногда порождал ненависть, но без этого опыта я не стал бы тем, кто я есть сегодня. Человек создается изо дня в день, по крупицам собирая свое подлинное "Я".

Зрелость дает право не только бросить на чаши весов свои черные и белые стороны и взвесить, чего было больше, но и трезво оценить себя: кем я был, кем стал, кем не сумел стать...

Окидывая взглядом прошлое, я вижу череду дней, наполненных в основном тем, чем я хотел наполнить их. Мне посчастливилось жить в русле моих желаний. Но иногда случалось непредвиденное. Я помню, как размеренное течение моей жизни было прервано внезапно. Вооруженная полиция, наручники, тюрьма...

Нормальный человек никогда не думает о таких вещах, нормальный человек просто живет, посвящая себя работе, семье, друзьям. Однако события, произошедшие летом 2002 года, убедили меня в том, что жизнь наша подвержена неожиданным ударам, которые могут легко перевернуть все с ног на голову...

Глава 1
Маскарад

Сильные жизненные потрясения исцеляют от мелких страхов.

БАЛЬЗАК

Где кончаются законы, там начинается тирания.

ПИТТ

Стояла чудесная солнечная погода, от проплывавших над Форте деи Марми облаков по земле ползли мягкие тени. В воздухе витали запахи цветов и моря. В саду пели птицы, перелетая с дерева на дерево и беззаботно прогуливаясь между пышными клумбами.

Дом, который я снимал каждое лето в Форте деи Марми, находится в районе Рома Империале, куда приезжают отдыхать на свои виллы богачи из Флоренции и Милана. Рома Империале отличается изысканностью и покоем; там в каждом уголке чувствуется роскошь, но она не кичлива, не бросается в глаза. Практически все, передвигаясь по Форте деи Марми, пользуются велосипедами. Даже в рестораны съезжаются на велосипедах. Сколько раз доводилось видеть, когда день близился к закату, как красивые женщины в вечерних платьях, с дорогими прическами, с золотом на руках, с жемчугом на шее ехали по тихим улочкам на велосипедах, а в закрепленных у руля корзинках пышно покачивался букет цветов. Подол длинного платья был непременно поднят, чтобы не мешал крутить педали, и оголенные ноги делали картину еще более необычной.

Несмотря на свои малые размеры, Форте деи Марми весьма многолик и разнообразен. Даже климат в разных частях этого курортного городка (так и хочется употребить слово «деревня») не одинаков: если у моря всегда жарко, то на виллах, расположенных ближе к горам (то есть километрах в двух-трех), всегда заметно прохладнее из-за идущих с гор холодных воздушных потоков. Днем все жители Форте деи Марми проводят время на пляжах, коих там великое множество. Впрочем, не все лежат на солнце, многие любят посидеть в баре или кафе, развлекая себя неторопливыми беседами. Вечерами, когда на Форте деи Марми спускается синеватый сумрак, окна домов

заливаются желтым светом, а воздух наполняется звоном стрекочущих насекомых, люди отправляются в рестораны. Улочки оживают, отовсюду льется музыка, звуки разносятся далеко-далеко в неподвижном теплом воздухе. Ресторанчиков там превеликое множество: чем ближе к морю, тем больше рыбных заведений, чем дальше от моря, тем больше мясных ресторанов, так что каждый может выбрать для себя уголок по вкусу.

Многие наивно полагают, что лучше жить ближе к воде, но на самом деле с моря постоянно дует ветер и незаметно наносит пыль и соль, которые оседают повсюду – на полу, на столе, на лице. Посмотрев, как устраиваются знающие люди, я последовал их примеру и арендовал виллу в верхней части города. Дом стоял на участке земли в двадцать пять соток. Высокая живая изгородь из лавра со всех сторон охватывала территорию, оберегая нас от любопытных глаз. К вилле можно было приехать по двум улицам: одна шла мимо центральных ворот, которые находились прямо перед домом, другая тянулась мимо задних ворот.

Спустившись на первый этаж, я увидел, что гостившие у меня Суламифь Михайловна Мессерер и мой давний друг Марк Захарович Мильготин с женой Катей уже расположились на веранде в уютных качалках. Моя дочь Лола еще спала.

В тот день мы намеревались сразу после завтрака поехать на базар: в Форте деи Марми по субботам возникают чудесные маленькие базарчики – приезжают автолавки, в считанные минуты торговцы возводят красочные палатки, над головами начинают трепетать разноцветные флаги, всюду звенят зазывные голоса, играет музыка, пространство наполняется всевозможными сувенирами, безделушками. На такой ярмарке всегда можно найти недорого очень хорошие вещи, поэтому туристы стекаются туда в течение всего дня, бродят лениво, разглядывают, расспрашивают. Суламифь Мессерер, которой тогда исполнилось девяносто четыре года, давно хотела увидеть знаменитые эти базарчики, потому что я много рассказывал ей о них, нахваливая приятную рыночную суету.

Велосипеды для прогулки дожидались нас, прислоненные к стене. Оставалось только позавтракать. Пока прислуга накрывала на стол, мы беззаботно вдыхали морской воздух, прячась в тени веранды и наслаждаясь безмятежностью курортной атмосферы.

Внезапно Суламифь Михайловна вытянула руку и указала на ворота:

– Что это, Алик?

Я повернулся и увидел, как вверх по чугунным воротам карабкались люди. В ярком солнце они казались абсолютно черными.

– Что за безобразие! Что за хулиганская выходка!

Двое, трое, четверо… Они двигались ловко и преодолели ограду довольно быстро. На руках у них виднелись какие-то повязки. Мы смотрели на происходящее, ничего не понимая, а они уже возились с замком на воротах. Секундой позже еще несколько человек выбежало из-за угла дома, вероятно пробравшись на территорию виллы с обратной стороны. Они решительно обступили веранду, и теперь мы смогли прочитать написанное на нарукавной повязке слово «полиция».

– Полиция?! – с недоумением воскликнула Суламифь Михайловна.

Снаружи послышался шум автомобилей, загудели сирены, в распахнувшиеся ворота вбежала новая группа полицейских. Что именно происходило за оградой, мы не могли разглядеть, но по видневшимся крышам автомобилей можно было понять, что перекрыта вся улица. Никто из нас не успел высказать ни единого предположения, а нас, мирно расположившихся на веранде, уже взяли в плотное кольцо.

Их насчитывалось человек двадцать, точнее сказать не могу, так как стремительность произошедшего застала нас врасплох.

– Алимжан Тохтахунов? – спросил шагнувший вперед мужчина типично итальянской наружности. Его глаза впились мне в лицо.

– Yes, – ответил я. – Что вам угодно?

По-английски я знаю лишь несколько фраз, толком почти ничего не понимаю, равно как и на других языках, то есть нормально общаться на иностранных языках я не могу. Со мной всегда переводчик ездит на важные встречи. Но тут переводчика не было.

Полицейский заговорил, что-то быстро-быстро объясняя мне. Я пытался понять, о чем шла речь, но не мог. Мне показалось, что я разобрал слово «мафия». Суламифь Михайловна, Марк Захарович и Катя растерянно смотрели на незваных гостей. Ни страха, ни паники никто не испытывал, так как никто из нас не был виноват перед законом. У меня промелькнула мысль, что полиция проводила какую-то специальную операцию против мафии и моя вилла просто попалась им на пути. Как еще можно объяснить такое вторжение?

Полицейский вежливо улыбнулся, но в этой улыбке чувствовалась издевка. Он протянул мне бумагу. Я пробежал ее глазами, но понять, разумеется, ничего не мог, потому что итальянским языком я не владею, разве что отдельные фразы мог разобрать. Однако слова «мафия», «Москва», «Солнцево» сразу бросились мне в глаза.

– Я не понимаю, – сказал я по-русски. – Здесь написано «мафия». При чем же тут я?

Он опять затараторил, несколько раз с нажимом повторив слово «мафия». Иногда переходил на английский язык, и Суламифь Михайловна робко заметила:

– У него очень плохой английский, но мне кажется, Алик, что они обвиняют вас в организации какой-то солнцевской мафии, не знаю только, что это такое. И еще он что-то говорит о перепродаже ворованных автомобилей.

Моему возмущению не было предела.

– Какое отношение это имеет ко мне? Я больше десяти лет не живу в России! Если кто-то организует там криминальные группы, то при чем тут я? Бред какой-то!

Неожиданно для всех полицейский объявил, что нас должны обыскать.

– Что? Обыск? – изумилась Мессерер. – Это что, тридцать седьмой год? На каком основании они собираются обыскивать нас?

Я рассмеялся в ответ.

– Раз меня обвиняют в создании мафии, то вас, наверное, зачислили в мои пособники...

Но в действительности ситуация не была такой забавной, как это представляется теперь.

Несколько человек быстрым шагом прошли в дом и принялись осматривать комнату за комнатой. В одной из них спала моя дочь Лола. Когда ее разбудили, включив стоявшую возле кровати лампу, она не сразу поняла, что происходит, и, решив, что ей снится сон, выключила лампу и спокойно отвернулась, сунув обе руки под подушку. Увидев это движение, полицейские отреагировали жестко – стоявший возле Лолы выхватил пистолет и приставил его к ее виску. Возможно, они решили, что она потянулась за спрятанным под подушкой оружием?

Не знаю, это единственное объяснение, которое можно дать, хотя мне трудно поверить, что спящая Лола, похожая на младенца, может хоть чем-то напоминать опасную гангстершу, которую надо держать под прицелом. Так или иначе, но они схватились за пистолеты.

Лола проснулась окончательно.

– Что происходит?

– Обыск, синьорина...

Когда Лола спустилась на веранду, нас заставили вывернуть карманы и женщин – высыпать из дамских сумочек содержимое. Полиция тщательно прощупала подкладки: не спрятано ли в

глубине что-нибудь запретное.

– Это ужас! – произнес Марк Захарович.

Суламифь Михайловна протянула ближайшему к ней полицейскому сразу три паспорта: английский, американский и японский. Японское гражданство Суламифь Мессерер получила в знак благодарности за то, что была родоначальницей русского балета в Японии.

– Вам какой предъявить? – спросила она сухо.

– Это что? Ваши паспорта, синьора? Три паспорта?

– Мне до конца жизни хватит, – усмехнулась Суламифь Михайловна. Полицейский немного смутился, не зная, как себя вести в таком случае.

Пока он проглядывал предъявленные ему документы, из английского паспорта выпало несколько фотографий. Еще вчера мы их рассматривали, оживленно обсуждая: там было запечатлено, как Суламифь Мессерер получает орден Британской империи из рук принца Чарлза. Полицейский глянул на фотографии, перебрал их одну за другой.

– Это что? – спросил он.

– Церемония награждения. Разве вы не видите, что это принц Чарлз?

– Простите, синьора, а почему он наклонился к вам? Он будто шепчет что-то вам на ухо...

– Так и есть, – подтвердила Суламифь Михайловна. – Он прошептал мне, что еще мальчишкой смотрел русский балет, дававший спектакль в Ковент-Гарден, и видел меня. Представьте, принц Чарлз меня запомнил с того выступления!

Полицейский смущенно вернул знаменитой балерине фотографии.

Иногда тот, кого я мысленно окрестил «старшим», обращался ко мне с какими-то вопросами, но мне, ничего не понимавшему, оставалось только пожимать плечами. В ответ я пытался обратить их внимание на то, что госпожа Мессерер – человек выдающийся, с мировым именем, что раньше она была примой Большого театра, а теперь преподает в Лондоне в балетной труппе Ковент-Гардена и что копаться в ее личных вещах – верх непристойности.

– Алик, перестаньте, – остановила она меня. – Пусть роются. Мы это переживем. Не нам должно быть стыдно, а им.

Покончив с нашими личными вещами, полиция отправилась в дом.

Среди полицейских я почти сразу приметил невзрачную женщину. Она не принимала участия в обыске, не проронила ни слова, но старалась держаться поближе ко мне. Несколько раз я перехватывал ее внимательный взгляд, устремленный на меня, но

не сразу понял, что она не просто молчала – она вслушивалась. Похоже, женщина знала русский язык и выполняла роль «подсадной утки». Она вполне могла выступить в качестве переводчика, но не помогала нам в общении. Судя по всему, ей было поручено слушать, не сболтнем ли какую-нибудь серьезную информацию, разговаривая друг с другом. Когда я понял это, мне стало вдвойне обидно: нас не только унизили, но еще и за полных кретинов держали...

Обыск продолжался почти четыре часа. Не понимаю, что они хотели найти. Наркотики? Оружие?

Под конец, устав от бессмысленного ожидания, я подозвал «старшего» и сказал, указывая на молчаливую женщину:

– Мне почему-то кажется, что синьора понимает по-русски.

«Старший» колебался несколько мгновений, признавать или не признавать мою правоту, и подал ей знак, приглашая подойти к нам.

– Почему вы все это устроили? – спросил я. – Что вы ищете? В чем обвиняете меня?

– Вас обвиняют в создании организованной преступной группы в Москве, – объяснил он через переводчицу. – Я из отдела по борьбе с оргпреступностью.

– Но я не имею отношения к организованной преступности! И я категорически возражаю против учиненного вами обыска.

– Синьор, я получил приказ и выполняю его. Полиция не своевольничает. Если у вас имеются претензии, то я рекомендую прямо сейчас отправиться к прокурору. Вот прочтите эти бумаги и распишитесь здесь.

– Я не стану ничего подписывать. Откуда мне знать, что вы подсовываете? Любая привезенная вами бумага должна быть на русском языке.

– Повторяю: если вы чем-то недовольны, обратитесь прямо к прокурору.

– Сначала я хочу связаться с моим адвокатом. Вы уже четыре часа находитесь здесь, перевернули все вверх дном, напугали моих гостей и даже не предложили мне позвонить адвокату.

– Извините, я упустил из виду, что вам необходимо переговорить с адвокатом. Посоветуйтесь с ним, как вам быть. Я же рекомендую не откладывать и побеседовать с прокурором сразу. Машина у нас есть...

– Куда надо ехать?

– В Венецию!

Услышав это, мы переглянулись.

– Почему так далеко? – спросил я.

– Мы приехали из Венеции, – с прежней вежливо-

издевательской улыбкой пояснил «старший».

– Полная ерунда! – Я попытался засмеяться, но не получилось. – Это четыре часа на автомобиле! Неужели нет полицейского участка поближе?

– Мы приехали к вам из Венеции, господин Тохтахунов, – повторил мой собеседник. – Мы не имеем права везти вас в другое место. Если вам нужно переговорить с прокурором, то придется поехать в Венецию.

Мне показалось, что он не просто так настаивал на встрече с прокурором. Возможно, не желал говорить чего-то во всеуслышание? Я внимательно посмотрел на него и кивнул.

– Может быть, поеду...

Потом я позвонил адвокату, и тот заверил меня, что ко мне не могло быть претензий ни у кого и что в ближайшее время недоразумение будет улажено.

– Так что, ехать мне в Венецию? – уточнил я у адвоката.

– Наверное, лучше поехать, если они настаивают.

– Похоже, что настаивают, – сказал я и повернулся к «старшему». – Куда идти?

– Машина за воротами. – Подумав, он добавил: – На всякий случай возьмите с собой какие-нибудь вещи.

– Зачем? Мы же только поговорить едем, не так ли?

– На всякий случай, синьор...

Это меня насторожило. Холодная волна беспокойства прокатилась по телу. До той минуты я думал, что произошла досадная ошибка: в прессе появлялось много нелицеприятных и откровенно злобных статей обо мне. Но после слов «на всякий случай» меня пронзили первые уколы настоящей тревоги. «На всякий случай» – это не пятиминутный разговор с прокурором.

Мне не хотелось думать об этом.

Сразу за воротами виллы стоял потертый «фиат» с полицейским фонарем на крыше. Вся улица была забита машинами с надписью «полиция» вдоль борта. Пока на нашей вилле продолжался обыск, снаружи столпилось немало зевак, все ждали чего-нибудь интересного, обсуждали. Я обернулся, пытаясь улыбаться, и помахал рукой оставшимся в доме друзьям и дочери.

– Прошу! – Полицейский распахнул жалобно скрипнувшую дверь автомобиля, и я уселся на заднее сиденье.

Рядом с водителем устроилась переводчица.

– Хотите поговорить с кем-нибудь по телефону? – любезно предложила она.

Я покрутил протянутую мне телефонную трубку. Кому звонить? Зачем? Настроение мое угасало. Прекрасный солнечный

день был испорчен безвозвратно. Мне все еще хотелось думать, что я скоро вернусь домой, но пришлось признать: отряд полиции в тридцать человек приехал не для того, чтобы предложить увеселительную прогулку.

На ближайшие дни у меня намечалась встреча с футболистом Андреем Шевченко. Я набрал его номер и, стараясь говорить спокойно и даже со смехом, сообщил ему, что меня, похоже, арестовали, поэтому наша встреча откладывается. Стоявшие вокруг полицейские затаили дыхание, женщина-переводчица буравила меня глазами.

– Нет, ничего страшного, – говорил я в трубку телефона. – Какая-то нелепая история... Я перезвоню тебе, как только все утрясется.

Потом я набрал номер Кахи Коладзе, поделился с ним моей неприятностью. Он выразил надежду, что к вечеру я вернусь домой.

– Кому вы звонили? – повернулся ко мне полицейский.

– Футболистам миланской команды... – Повертев в руках телефон, я вернул его полицейским. – Не хочу... Сейчас не хочется разговаривать ни с кем...

– Может, вам надо решить какие-нибудь дела? – настаивала переводчица.

– Нет. Поедем. Я устал. Давайте закончим все побыстрее...

«Фиат» загудел, и мы покатили. Впереди, нацепив большие очки, мчались полицейские на мотоциклах, а позади нас ехало еще несколько черных автомобилей. Над дорогой поднялась пыль.

Я не предполагал, что моя поездка «к прокурору» растянется на долгие десять месяцев.

Ехали молча. Дважды останавливались, чтобы мои сопровождающие могли размяться. Когда полицейские проголодались, они припарковались возле скромнго кафетерия на обочине пыльного шоссе.

– Что вам купить, синьор? – обратился ко мне «старший».

– Спасибо, я не хочу ничего.

– Путь не близкий, господин Тохтахунов. Почти четыреста миль!

– Поэтому хотелось бы доехать поскорее, чтобы разобраться с этим недоразумением.

Они ушли, оставив меня под присмотром двух человек. Из рации доносилось шипение, то и дело слышался чей-то трескучий голос. Несколько прохожих остановились возле нашего «фиата» и принялись меня разглядывать. Поскольку ничего не происходило, им надоело торчать на солнцепеке, и они ушли.

А потом мы опять ехали, жарясь в раскаленном воздухе. Горы

сменялись оливковыми плантациями, садами, мелькали цветы, белые стены, черепичные крыши. Несколько раз я проваливался в дремоту, должно быть, сказывалось нервное перенапряжение, утомление. Один городишко, другой... При иных условиях я наслаждался бы путешествием, но не в этот раз.

Когда мы остановились перед полицейским участком, уже горели фонари, сгущались сумерки.

– Вот мы и на месте, – сказал «старший».

Боже мой, сколько же мы отмахали в этом трясущемся «фиате»?

Я с трудом выбрался из машины – ноги затекли, стопы остро ныли. Казалось, все тело мое окаменело и никак не могло вернуться к жизни. Голова гудела от усталости.

– Разве это Венеция? – огляделся я удивленно, не увидев воды.

– Мы на окраине. Венеция чуть дальше, – махнула переводчица рукой куда-то в сторону. – Проходите в участок, синьор.

Вечер был изумительно тихий. Не хотелось верить, что сейчас произойдет что-то ужасное. Но ничего хорошего ожидать не приходилось. Ради пары-тройки вопросов никого не повезут через всю страну. И еще это «возьмите вещи на всякий случай»...

Что ж, подумал я, приятного мало, но горевать пока рано.

В полицейском участке мне зачитали какую-то бумагу, но так как переводчица почему-то исчезла, я не понял ни слова, за исключением одного: «Америка».

– Америка? – переспросил я. – Какое отношение я имею к Америке? Нет, вы явно что-то перепутали.

Мне сразу стало легче. Я понял, что произошла ошибка, нелепая и жуткая ошибка. Я не имел никаких дел с Америкой, поэтому американцы не могли предъявлять ко мне никаких претензий. А в зачитанном мне документе несколько раз прозвучало «Америка».

– Perche America? – И я засмеялся с облегчением. – Big mistake! Ошибка! Где ваш прокурор? Дайте мне поговорить с прокурором. Non capisco. Я не понимаю вас. Куда подевалась переводчица?

На ломаном английском полицейский объяснил мне, что никакой ошибки нет и что меня хотят получить американцы.

– Зачем я им нужен? Ерунда какая-то! Я в Америке не был. А если и нужен им, то зачем под конвоем везти? Зачем меня привезли как страшного гангстера? Я никуда не прячусь, живу открыто. Кому я понадобился в Америке?

– America! FBI! – продолжал втолковывать мне полицейский,

испытывая, судя по его лицу, невыразимую скуку от непонятливого собеседника.

– FBI?

– Yes, FBI wants you, – подтвердил он и поспешил сказать что-то своим коллегам.

Меня тут же схватили под руки и повели по коридору в небольшую камеру…

В голове моей все спуталось. Америка! ФБР! Какое отношение ко мне имеет ФБР? Тут была явная ошибка, я понимал это, но место, куда меня запихнули, не располагало к юмору. Стены камеры были покрыты трещинами, облупившаяся краска обсыпалась, кое-где под потолком виднелась плесень. Жизнь давно не забрасывала меня в такие мрачные крысиные углы. За последние годы я привык жить в фешенебельных отелях, посещать роскошные рестораны, вращался в высшем свете, наслаждался музыкой в лучших концертных залах… И вот теперь – камера с решеткой на окне вместо роскошных апартаментов.

Как могло случиться, что меня – в то время как за стенами раскинулась теплая и улыбчивая Италия – заточили в тесную камеру полицейского участка?

Сидя на грязной лавке, я впервые подумал, что в каждом городе есть обратная сторона, которая всегда скрыта от туристов и никогда не попадает на яркие глянцевые открытки. Разглядывая трещины на облупившейся стене, разрисованной похабными рисунками, я ждал.

Меня серьезно тревожило одно: почему речь шла об Америке и о ФБР? Зачем я понадобился американцам? Что стояло за их необъяснимым желанием заполучить меня? За мной прислали большой полицейский отряд, везли через всю Италию – это не похоже на чье-то заблуждение, не похоже на ошибку. А если это не ошибка, то в чем дело? За что вдруг на меня обозлилась одна из самых мощных спецслужб мира? Чем-то ведь я должен был «насолить» Соединенным Штатам Америки, раз они устроили на меня охоту в другой стране…

Не хочется чувствовать себя дичью. Не хочется ощущать себя зверем, брошенным за решетку. Но вот я уже превращен в дичь, уже заперт, уже не на свободе. Кто за всем этим стоял? Кому я перешел дорогу? Пока я ничего толком не знал и не мог ничего предположить. Про Америку, конечно, могли просто обмануть. Но кому понадобился такой обман?

– Signore Toktahunov! – услышал я, и в коридоре появилось двое полицейских.

Лязгнув ключом, они отперли дверь. Что-то сказали, но я не понял их. Тогда они знаками показали, что я должен вытянуть

руки. Я выполнил их указание, и в следующую секунду они защелкнули на моих запястьях стальные наручники. В то мгновение мне показалось, что это было самое омерзительное прикосновение, которое мне довелось испытать когда-либо, – прикосновение холодного металла, сковавшего мою свободу. Время иллюзий закончилось, хотя ответов на мои вопросы я так и не получил.

Меня вывели на улицу. Уже наступила ночь. Снаружи я увидел «старшего», с которым проделал долгий путь из Форте деи Марми. Он молча указал мне глазами на автомобиль. В голове моей все кружилось, ноги сделались ватными, я с трудом переставлял их. Я провалился в атмосферу кошмара. Словно во сне – глухо, невнятно, пугающе – доносились до меня чьи-то голоса, какие-то резкие команды...

Мы ехали совсем недолго, остановились, и мне велели выйти. Перед нами стояли лодки, катера. Вот и Венеция...

Громко плескалась вода, гудели моторы, стучали каблуки башмаков, хрипели рации, вдали что-то угрюмо лязгало, словно предвещая недоброе. Автоматчики буравили меня цепкими взглядами, но оружием не размахивали. В свете прожекторов все казалось мне чудовищно неправдоподобным. «Старший» подтолкнул меня к причалу, где на воде покачивался полицейский катер. На борту меня ждали люди с автоматами. «Старший» коснулся моего плеча.

– Scusi, – сказал он. – Извини.

Я вяло отмахнулся от него скованными руками и ступил на палубу катера.

«Старший» с самого начала знал, чем закончится наша поездка. Он с самого начала лгал мне, хотя видел мое полное недоумение по поводу ареста, видел мое теперешнее отчаяние, видел мою невыносимую усталость. Может, хотел извиниться за то, что обманул меня, ведь он понимал, что вез меня в Венецию не для разговора с прокурором. Он вез меня в тюрьму.

Он извинился, но сострадания в нем не было. Полиция никогда не сочувствует тому, кого считает преступником. Полиция не умеет сострадать и не должна уметь этого, иначе она потеряет жесткость, а без холодной твердости невозможно бороться с преступностью.

Только ведь я не был преступником...

Заработал мотор, мы отчалили, берег быстро удалялся. Всюду на черных волнах дробились блики фонарей, как бы символизируя зыбкость бытия, а над головой неподвижно висело усыпанное звездами темное небо – единственный свидетель, которому ведомо все про каждого.

Венеция! Сказочный город-декорация! Город старинной красоты, город ленивых туристов, город влюбленных, город гондольеров, город маскарадов, город Тинто Брасса, город Казановы. Разве можно приезжать туда в качестве арестованного?! В самом страшном сне не представишь этого...

Наш катер быстро шел вперед, высоко подскакивая на волнах. Полицейские переговаривались по рации безостановочно. Я сидел неподвижно, не в силах осмыслить случившееся.

Не знаю, как долго мы плыли, потому что я провалился в состояние отрешенности. Меня вернула к действительности чья-то рука, стукнувшая по плечу. Передо мной стоял на широко расставленных ногах автоматчик. Двигатель перестал гудеть, катер плавно приближался к причалу, увешанному автомобильными покрышками, которые, видимо, служили амортизаторами.

Передо мной возвышались стены венецианской тюрьмы. Наверное, именно об этом ужасном месте рассказывал Казанова в своих воспоминаниях: "Тюрьма эта предназначена для содержания государственных преступников и располагается прямо на чердаке Дворца дожей. Крыша дворца крыта не шифером и не кирпичом, но свинцовыми пластинами в три квадратных фута:

отсюда и пошло название тюрьмы – Пьомби, то есть Свинцовая. Войти туда можно только через дворцовые ворота, либо через здание тюрьмы, по мосту, именуемому мостом Вздохов. Подняться в Пьомбу нельзя иначе как через залу, в которой заседают государственные инквизиторы, ключ находится всегда у секретаря...

Тюремный сторож со связкой ключей в руках ожидал тут же. В сопровождении сторожа и двух стражников поднялся я по маленьким лестницам, прошел через одну галерею, потом через другую, отделенную от первой запертой дверью, потом через третью, в конце которой тоже была дверь. Сторож открыл ее массивным ключом, и я оказался на большом, грязном и отвратительном чердаке длиною шесть саженей и шириною две; через слуховое окно падал слабый свет. Я уже принял было этот чердак за свою тюрьму – но нет: надзиратель взял в руку толстый ключ, отворил толстую, обитую железом дверь высотой три с половиною фута и с круглым отверстием посередине, примерно восьми дюймов в диаметре, и велел мне входить. В ту минуту я внимательно разглядывал железное устройство в виде лошадиной подковы, прикрепленное к толстой перегородке; подкова была дюйм толщиною и с расстоянием шесть дюймов между параллельными ее концами. Пока я пытался понять, что бы это

могло быть, надзиратель сказал мне с улыбкой:

– Я вижу, сударь, вы гадаете, для чего этот механизм. Могу объяснить. Когда их превосходительства велят кого-нибудь удушить, то его сажают на табурет спиной к этому ошейнику и голову располагают так, чтобы железо стискивало полшеи. Остальная часть шеи стягивается шнурком, который обоими концами пропущен в эту дыру, а там есть мельничка, к которой привязывают концы, и специальный человек крутит ее, покуда осужденный не отдаст Богу душу.

– Весьма изобретательно. Полагаю, сударь, вы и есть тот человек, которому выпадает честь крутить мельничку.

Он промолчал..."

Описание тюрьмы, оставленное Казановой, не обещало ничего хорошего.

В тюрьме опять обыскивали, опять спрашивали о чем-то, но меня охватила безучастность ко всему происходившему и к собственной судьбе. Усталость и нервное перенапряжение давали о себе знать.

После всех процедур надзиратель спросил, с кем бы я хотел быть. Не сразу я понял, о чем он говорит.

– В камере, – пояснил он.

– Соседи по камере? – догадался наконец я. – Хочу быть с русскими.

– E difficile, – покачал он головой и начал перечислять тех, кто у них находился: итальянцы, французы, албанцы, румыны, арабы... – Это трудно. Русских нет, совсем нет.

– Вот, – невесело засмеялся я, – всюду кричите про русскую мафию, а на самом деле у вас нет ни одного русского преступника.

Он кисло улыбнулся, ничего не поняв из моих слов.

– Тогда сажайте с итальянцами, – решил я. – Это ты понимаешь? Итальяно! Может, выучу ваш язык, пока буду гостить тут.

Когда меня привели в камеру, я чувствовал себя настолько разбитым, что не нашел в себе сил познакомиться с моими сокамерниками и сразу лег спать. Проваливаясь в сон, я увидел замелькавшие, как в кино, картины моей жизни...

Глава 2
Начало пути

В беспечных радостях, в живом очарованье,
О, дни весны моей, вы скоро утекли.
Теките медленней в моем воспоминанье.

ПУШКИН

Мое детство прошло в Ташкенте. Как ни странно, память сохранила не много из тех далеких времен. А времена-то были счастливые, солнечные!

Я почти не помню мой первый дом – традиционный узбекский дом. Мы съехали оттуда после смерти отца. Каким-то образом моя мама сумела скрыть от меня и моего братишки, что отец умер. Мы с братом, совсем еще крохотные, считали, что он уехал... или что-то еще. Словом, вопросов у нас не возникало. А переезд в новый, большой, красивый городской дом окончательно завладел нашим вниманием.

Мама была замечательная. Я до сих пор помню, как она встречала меня, когда я отправлялся в кино. Фильмы показывали поздно, потому что кинотеатр у нас был под открытым небом – пока не стемнеет, фильмы не начинались. Кино посмотреть хотелось, а вот возвращаться одному было страшновато, поэтому мама встречала меня возле кинотеатра. Почему-то сейчас кажется, что показывали много сказок и много индийских фильмов. Кино так и осталось для меня окном в сказку. Включался кинопроектор, освещался экран, и там, на этом белом полотне, начиналась чья-то жизнь, к которой невозможно прикоснуться и в которую невозможно войти. Экранная жизнь состояла только из теней, но эти тени обладали такой властью надо мной, что я безоговорочно верил в то, что они наполнены настоящей жизнью. Полтора часа в кинозале дарили мне абсолютное счастье. Это, конечно, детское ощущение, но поэтому очень сильное.

Я всегда отличался ужасной непоседливостью и вспыльчивостью. Дрался по любому поводу, всегда ходил с синяками и ссадинами. Никаких серьезных причин для драк не было, все причины крылись в моем характере. Но ведь для

мальчугана важно все: кто как посмотрит на тебя, кто как ухмыльнется… – и вот уже готов повод для ссоры…

Школу я не любил. Не знаю почему, но она навевала на меня скуку. Меня тянула улица. Там, на улице, шла настоящая жизнь. Школа не будила никаких эмоций. Возможно, все дело в педагогах, ведь учитель должен обладать настоящим даром не только привлечь внимание учеников, но и умением удержать это внимание. Я не помню таких в нашей школе. Хотя вполне возможно, что причина крылась во мне: солнце, трава, беготня, футбол – вот это был мой настоящий мир.

Мы жили в так называемом доме специалистов, который стоял недалеко от Красной площади и от стадиона «Пахтакор». В этом доме жили Стахан Рахимов, академик Шредер, нынешний председатель госбезопасности Узбекистана Рустам Анаятов, много народных артистов, ученых, врачей. Некоторые люди были известны в то время, другие стали известными теперь. А в соседнем доме проживало высшее руководство МВД и КГБ республики. От нашего двора до стадиона «Пахтакор» было рукой подать.

Футбол… Стремительный бег, мелькающая трава под ногами, вкус пота на губах, запах пыли, разбитые колени… Сперва я гонял мяч, как и все дворовые ребята. Мы обожали футбол, ходили на стадион на футбольные матчи. Эти дни были для меня подлинным праздником, я даже школу прогуливал. Я бежал на «Пахтакор» чуть ли не утром, потому что потом уже было не попасть, билетов не купить. А я пробирался туда заранее (я же знал все ходы-выходы) и ждал, когда начнется. Ждал целый день. Народу собиралось на стадионе – тьма. Гул голосов, общее возбуждение – меня эта атмосфера сильно будоражила, кружила голову. Да, футбол манил меня, как ничто другое.

Вспоминая те годы, я должен признать, что ничем не интересовался по-настоящему, кроме футбола. Ничто не привлекало меня. Зато игре в мяч я отдавался целиком.

Мы играли во дворе, играли на стадионе, играли на Красной площади. Красная площадь в Ташкенте совсем не похожа на московскую. Перед трибуной для высокого начальства тянулась прямая асфальтированная дорога, по которой во время праздников проходили парадные колонны, а все остальное пространство было покрыто травой. Вокруг Красной площади тоже была асфальтированная дорога, и в праздничные дни там обязательно разворачивалась бойкая торговля горячими пирожками и газированной водой. Зимой здесь устанавливали большую елку, что делало Красную площадь неузнаваемой. Все государственные праздники – от 1 Мая до Дня Конституции –

официально отмечались там, собирая на площади огромные толпы ликующего народа.

А детвора стекалась на Красную площадь ежедневно. Там всегда звенели голоса, слышался смех. Маленькие дети, подростки, юноши – все находили себе место и занятие. Играли в салочки, в футбол, боролись, дрались. Для нас, любителей футбола, здесь было настоящее раздолье. Прибегая на Красную площадь, мы швыряли на землю наши портфели, обозначая ими ворота, и начинали игру…

Наверное, не будет преувеличением сказать, что мое детство прошло на футбольной площадке. Такие площадки были всюду – от обычного двора до стадиона «Пахтакор».

Потом, когда я попал в юношескую команду, где Сергей Артемович Арутюнов, наш тренер, принялся учить нас азам футбола, я открыл для себя эту игру заново, увидел ее с новой стороны. Нас очень хорошо учили. Сейчас такой подготовки нет, поэтому футбол едва выжил. После крушения СССР все пошло наперекосяк, футбол тоже попал под жернова перестройки и рухнул в бездну безвременья. Исчезла школа, исчез интерес ребят к спорту. Многие годы после краха Советского Союза мальчишки не играли в футбол во дворах. Дворовый футбол практически умер! А если его нет, то откуда возьмется глубинная любовь к игре? Откуда родится настоящая страсть, если никто не живет с этой страстью в груди, если она вместе с тобой – пока ты подрастаешь – не крепнет, не начинает заполнять тебя, всю твою душу? Хорошо, что в настоящее время футбол стал, наконец, возвращаться к нам. Правда, сейчас это совсем иной футбол…

Для меня футбол был потребностью. Не смыслом жизни, конечно, но огромной потребностью. Мы жили на футбольном поле, взрослели там, учились не только футболу, но и жизни вообще.

Многое зависело от тренеров, а тренеры в то время были уникальные. Разумеется, они обучали нас технике игры, правильности ударов, учили бить головой, ловить мяч грудью, обводить противника и так далее. Это все понятно, без подготовки невозможно сделать профессионала. Но воспитывали в нас также и обыкновенную человеческую ответственность. Без дисциплины не может быть хорошего футбола. За неуспеваемость в школе не допускали к тренировкам. В ту пору я не мог представить ничего страшнее, чем отлучение от тренировок. Как же так – все играют, а я выброшен за борт? Разве я хуже? Разве я не могу, как все? Да, школу не любил, но учиться хотя бы удовлетворительно был обязан. Этого требовал командный дух.

Футбол объединял ребят. Все любили и уважали футбол как

спорт, никто не считал враждебным клуб соперника, никто не устраивал драк после игры – это было бы позорно и ниже человеческого достоинства. Футбол был мерилом общего спортивного духа. Всюду обсуждали игру, всюду вспоминали напряженные моменты минувшего матча, всюду переживали, но никто никогда не пускал в ход кулаки. А уж о массовых побоищах и речи не могло быть.

Спорт – территория уникальная, мирная. Там люди лишь меряются силой, но никогда не воюют. Сила всегда опасна, поэтому в спорт нельзя впускать агрессию. Спорт невероятно энергетичен, и агрессия попадает там на весьма благоприятную почву. Отсюда и легко возбудимые фанаты. Их, конечно, взращивают, они не сами по себе появились, они кому-то нужны. Сама по себе «культура» клубных фанатов – вовсе не была бы плоха, если бы не клокотала такой неудержимой ненавистью. Похоже, что сегодняшних фанатов никто не воспитывает. Их «накачивают» ненавистью, а надо культивировать уважение.

Наши тренеры это умели. Они были моими первыми настоящими воспитателями. Причем не только в мире футбола. Помню, как к нам приехал на тренерскую работу Борис Андреевич Аркадьев, в то время личность легендарная. Просто находиться рядом с ним – уже великая честь, а уж пожать ему руку (как равный равному, хотя какой я ему равный – так, мальчишка неумелый) или поговорить о чем-нибудь – тут можно умереть от счастья.

Он всегда жил в гостинице «Ташкент». Мой дом находился неподалеку. «Ташкент» был в некотором роде «футбольной» точкой, потому что оттуда футбольная команда «Пахтакор» всегда уезжала на сборы, там все собирались. Я часто прибегал туда, чтобы повидаться с кем-нибудь из футболистов. Нередко встречал Аркадьева. Он выходил на прогулку, устраивался на лавочке возле гостиницы, дышал воздухом. Если он видел меня, то обязательно звал: «Алик, присаживайся ко мне». Я приглашал его попить чаю, а он каждый раз отнекивался: «Спасибо, я уже кефиру выпил».

Этот знаменитый на весь Советский Союз человек запросто, без малейшего намека на высокомерие разговаривал с нами, мальчишками. Был он тих, спокоен, непривычно интеллигентен, хотя такого слова я, пожалуй, не знал тогда. Однажды он рассказал историю, как вышел со стадиона после игры сильно задумавшись и забыл переодеть тренировочные штаны. А кошелек остался в брюках. Он опомнился только в трамвае, когда контролер потребовал предъявить билет. Борис Андреевич пытался объяснить, в чем дело, но ему не верили. А кто-то из

пассажиров кричал, что Аркадьев бессовестно врет. И тогда Борис Андреевич не выдержал и вспылил: «Если вы еще раз скажете, что я вру, то я ударю вас по лицу!»

Помню, меня поразило это «ударю по лицу». Мы-то выражались куда крепче. «По морде» – это самое приличное, а он – «по лицу». Я до сих пор ощущаю глубину того, мальчишеского удивления.

Борис Андреевич часто рассказывал разные истории, расхваливал великих спортсменов. Многих он знал лично, со многими дружил. От него я узнал о Всеволоде Михайловиче Боброве. Аркадьев восторгался им: «Бобров – это величайший спортсмен. Если он возьмет кий, то он – лучший в бильярде. Если возьмет ракетку настольного тенниса, то он – там лучший. Если берет клюшку, то он – лучший в хоккее. Если пинает мяч, то он – лучший в футболе. Это спортсмен от Бога, таких самородков по пальцам пересчитать можно. Вот от кого исходит настоящий спортивный дух, вот с кем рядом надо все время находиться».

Разве могло общение с таким человеком не влиять на меня?

А другие имена! Тренерами «Пахтакора» были также Якушин, Качалин, Соловьев, Келлер – величайшие тренеры. Каждый из них представлял собой целый мир, необъятный мир. Каждый из них внес огромный вклад в развитие не только узбекского футбола, но и футбола всей страны. Они были гиганты, исполины, титаны. И я мог наблюдать за ними, учиться у них, равняться по ним. Я постоянно что-то перенимал у них. Где-то подслушивал, где-то подглядывал. Мне, мальчугану, хотелось быть похожим на них.

Конечно, мне было далеко до этих людей, далеко и до знаменитых игроков «Пахтакора». Весь основной состав «Пахтакора», все игроки были моими кумирами. Я старался дружить с ними, мне льстила эта дружба. А кому из мальчишек не льстит, когда с тобой за руку здороваются самые известные люди республики? Берадор Абдураимов, Коля Любарцев, Юра Пшеничников, Геннадий Красницкий – для Узбекистана это были легенды, высочайшие профессионалы своего дела, кристальной души люди, личности с большой буквы. Я рад, что могу назвать их моими искренними друзьями. Нас, конечно, разделял возраст и до настоящей, как говорится, мужской дружбы было далеко, но в спорте мы были друзьями.

Я играл в юношеской команде, в которую набрали ребят 1948-1949 годов рождения. Насколько я помню, у нас был очень хороший коллектив. Мы неоднократно становились чемпионами Ташкента и Узбекистана. В составе «Пахтакора» однажды стали призерами Советского Союза, заняли третье место. Кажется, это было в Луганске.

Не знаю, получился ли из меня бы настоящий футболист. Скорее всего, нет, потому что мне не хватало выносливости. Один тайм мог отыграть легко, но весь матч я все-таки не выдерживал, хотя и считался хорошим игроком. Не случайно меня, из всей нашей юношеской команды, хотели даже взять в дублирующий состав «Пахтакора»...

Но в этот момент мы получили предложение из города Гулистан. Там только что возвели новый стадион и хотели создать свою команду. Председатель хлопкотреста Шадиев пригласил тренера из Москвы, кажется Медведева, позвал нескольких ребят из Москвы, которые играли в разных клубах. Шадиев решил и нас, пахтакоровцев, взять к себе. Поскольку мы учились так себе, никакими успехами похвастать не могли, то он обещал помочь нам окончить школу, получить аттестаты, а также посулил зарплату, кажется, 300 рублей в месяц. В дублерах «Пахтакора» мы получали бы 60-80 рублей, – огромная, почти сказочная разница. Нас пригласили на год, чтобы поднять тамошний футбол и вывести команду Гулистана из областной во вторую лигу. Конечно, мы согласились. Разве кто-нибудь смог бы отказаться от таких заманчивых перспектив? Кроме того, это льстило нашему самолюбию: нам, мальчишкам, оказывали огромное доверие, на наши плечи возлагалась серьезная задача.

За год мы с этой задачей справились.

А потом я неожиданно стал остывать к футболу. Сейчас мне трудно сказать, в чем крылась причина, но мой футбольный фанатизм постепенно улетучился. Возможно, все чаще возникали паузы в игре, позволяя иным интересам овладевать мною.

А интересы появились нешуточные: в мою жизнь вторглись карты...

Как бы сложилась моя судьба дальше, трудно сказать, но в конце 1967 года в Москву собрался Берадор Абдураимов. Всеволод Михайлович Бобров пригласил его играть в клубе ЦСКА. Когда он сказал мне об этом, я решил, что непременно поеду в Москву, хотя там никто меня не ждал, никто туда не звал. Я отправился просто «за компанию». Мне хотелось увидеть столицу, увидеть страну. Никаких особых планов я не строил.

В аэропорту нас встретила Лена, супруга Всеволода Михайловича Боброва. Вернее, встречала-то она Абдураимова, но раз уж и я прилетел с ним, то нас обоих повезли в ЦСКА. Там собралось все руководство футбольной команды и клуба. Бобров отнесся к моему появлению без удивления.

Я был веселый, шустрый. Мы разговорились. Они спросили меня, играю ли я в футбол. «Играю!» – заверил я и с удовольствием похвалился всеми моими заслугами. Слово за

слово, мне предложили ходить на тренировки команды ЦСКА.

Поначалу я тренировался с командой, даже поиграл немного, а потом мне предложили остаться в клубе помощником администратора.

– Мы видим, что ты способный, – сказали мне, – вполне сможешь заниматься хозяйственными вопросами.

Я не возражал. Если бы в то время я по-настоящему хотел играть в футбол, то наверняка оскорбился бы, но, как я уже сказал, неуемная любовь к футбольному мячу пошла на убыль. Я чувствовал это и, похоже, был рад, что мог оставаться в футбольном мире, не отдавая всего себя игре.

Мне приходилось заниматься организацией тренировок, судьями. В моем ведении была каптерка, где хранилась форма. Словом, работал я завхозом, помощником администратора футбольной команды ЦСКА. В принципе мне нравилось. В команде я считался кем-то вроде «сына полка». Иногда приходилось играть за дубли. Тренировал вратарей, когда Бобров или Мамыкин просили: «Алик, попинай вратарю». Я с удовольствием проводил разминку вратарей. У меня была возможность свободно выходить на поле.

По возрасту мне уже пора было в армию. Благодаря моему положению, меня прикомандировали к футбольной команде ЦСКА. Так и пролетели незаметно два года. Я числился футболистом третьей категории и получал зарплату 80 рублей.

А потом, когда закончилась армейская служба, я уволился и фактически расстался с футболом, целиком посвятив себя карточной игре.

Глава 3
Катали

Чистая совесть ни лжи не боится, ни слухов, ни сплетен.

ОВИДИЙ

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою.

ТЮТЧЕВ

Ташкент многим отличался от Москвы, в том числе и традиционной азартностью. Наверное, это особенность узбекской нации.

Я вырос в атмосфере азарта. И речь идет не о футболе, а о всевозможных других играх. С раннего детства я видел, как в парках, по разным углам собирались люди и играли в так называемые альчики. Я подолгу наблюдал за ними со стороны, видел, как люди входили в раж, возбуждались, спорили, ругались, ставили наличные деньги. Их взбудораженность перекидывалась и на меня. Я был еще мальчик, во многом не разбирался, но все впитывал, потому что мне это было интересно. Азартность составляла часть моей натуры. Наверное, эта черта характера и вовлекла меня в детстве в футбол – там ведь важна игра, важен успех, важно первенство.

Подрастая, я не переставал присматриваться к азартным играм. Каким-то необыкновенным образом их дух заполнял воздух Ташкента. Были у нас и петушиные бои, и собачьи бои, на бильярде играли только на деньги, в карты – тоже. Всюду существовали тотализаторы, разумеется нелегальные, но многие любили делать ставки, а это означало, что подобное считалось вполне нормальным делом. О законности никто не думал во время игры. Когда влюбленные целуются, они не задаются нелепым вопросом, можно ли это; они просто целуются, отдаваясь влечению. Так же и народ предавался своему влечению, с головой окунаясь во всевозможные игры. Азарт служил внутренним оправданием для каждого из нас. До какого-то времени я даже не догадывался, что игры, которыми с увлечением занимались многие взрослые люди, не имели права (с точки зрения государства) на существование. Ну ставили деньги и ставили.

Играли родственники, играли знакомые, играли приятели – при чем тут закон? О законе не думали. Вопрос о законности игр был бы чем-то неуместным для людей, в традиционной жизни которых большинство азартных игр уходило корнями в глубокую древность.

Мне тоже хотелось играть. Поначалу мои старшие приятели просто подпускали меня поближе, чтобы я мог наблюдать за игрой не через спины зевак, а вблизи. Потом разрешили попробовать. Потихонечку я втянулся. Каждый день не получалось, потому что для игры нужны деньги, но когда они появлялись, я старался присоединиться к играющим.

В процессе игры воспитывалась моя внимательность – одно из важнейших качеств, которые позволяют овладеть окружающей действительностью и взять бразды правления в свои руки. Конечно же, поначалу проигрывал, и было обидно, особенно обидно мальчику, который далеко еще не определился ни в своих желаниях, ни в своих силах, ни в своих намерениях. Впрочем, проигрыши меня только закаляли, я от них крепчал как личность. Даже если я в то время одалживал по игре (случались такие моменты, когда был совсем без денег), то просто спрашивал: «Можно завтра отдам?» Мне отвечали: «Да». Так проверялась честность. Не принеси я деньги в обещанный срок, меня никогда больше не взяли бы в игру. Таковы правила. Честность, порядочность и обязательность шлифовались жесткими требованиями игрового сообщества. Может быть, слово «честность» не совсем уместно, когда речь идет об азартных играх, но слово «обязательность», пожалуй, вполне подходит. Настоящий игрок должен быть обязателен, должен уметь держать слово.

Много позже эта привычка всюду и во всем быть точным пригодилась мне, когда я приехал в Германию. Там пунктуальность очень важна. Например, если на пять минут опоздаешь на прием к врачу, то тебя могут лишить очереди. И мне это нравилось, потому что я с детства жил в сообществе обязательных людей. Если обещал сделать – сделаю, если договорился приехать в такой-то час – не опаздываю. Я лучше раньше приеду и подожду на месте, но никогда не опоздаю. Всегда удивляюсь, когда еду на деловую встречу, почему люди опаздывают (иногда на полчаса!). Я ругаю их всех, иногда очень грубо: «Неужели вы раньше не можете выехать? Трудно разве заложить лишние тридцать минут на дорогу? Уважения в вас никакого нет к чужому времени!» Сегодня в Москве очень тяжело время рассчитать. Ехать сорок минут, а выезжать приходится за полтора часа, а то и за два – пунктуальность обязывает.

Но я отвлекся...

Итак, понемногу я втянулся и начал играть. Сначала это была дворовая игра, затем играл в масштабах Ташкента, когда денежка какая-то подворачивалась. А уж когда в Москву приехал, то играл по-настоящему, серьезно.

В столицу я приехал профессиональным картежником. Футбол занимал только половину моего времени, поэтому я был доволен своей должностью. Я успевал выполнять свои обязанности в ЦСКА, а потом, по ночам, ездил играть. Разумеется, не каждый день, потому что все-таки у меня была работа. Но большие карточные игры старался не пропускать.

Квартира, где шла игра, называлась «катран». На катранах собирались игроки со всего Советского Союза. Это было нечто вроде клуба. Милиция считала, что там собирались только преступные элементы, но на самом деле игроки были разные – и актеры, и военные, и писатели, и доктора. Играли в нарды, шахматы, карты, кости.

Таких квартир было много, но каждая соответствовала своему кругу, своему уровню. Наша компания была элитной и всесоюзного масштаба. Сильные люди собирались, богатые люди. У нас была «высшая лига», если так можно сказать. Но не стоит думать, что я попал туда сразу. Чтобы играть в «высшей лиге», нужно было не только владеть тонкостями карточной игры, но и зарекомендовать себя, доказать свою порядочность, а порядочность, как это ни странно звучит, определялась твоей способностью выплачивать проигрыш. Никого не интересовало, как ты добудешь деньги, важно было расплатиться в срок. Слово «честь» много значило в нашем круге. Слово «фуфлыжник» было клеймом, от которого не отмоешься. Сегодня таких оскорбительных слов нет, сейчас ругаются – как помои льют. Всюду ругаются, но такого тяжелого слова, как «фуфлыжник», нынче нет.

Мы играли на большие суммы на слово: обещал отдать в конце месяца, значит, должен отдать. Как часы – до двенадцати ночи обязан принести. А не отдашь, стало быть, ты «фуфло» и цена твоему слову – три копейки. Если тебя назовут прилюдно фуфлом, никто не станет с тобой знаться. Фуфло – это хуже проказы. С тебя даже проигранных денег больше требовать не станут, потому что с тобой не только дела иметь нельзя, но и просто словом обмолвиться позорно. Никто и никогда не посмел бы замарать себя общением с фуфлыжником.

«Высшая лига» существовала по закону чести. Игра для многих была смыслом жизни, и они готовы были покончить с собой, если у них ничего не осталось после проигрыша и нечем

было расплатиться. Такая ситуация для них – смертельный позор. Я знал несколько человек, проигравшихся и пришедших в такое отчаянье, что они свели счеты с жизнью. Один, помню, повесился, другой вскрыл вены в ванной. Никто не пришел бы к ним «выколачивать» долг, но, не выплатив его в срок, они лишались права играть в «высшей лиге», а это равносильно смерти. Не играть они уже не могли, а без игры жизнь теряла свой вкус.

Но это не означает, что выплату долга невозможно было отсрочить. Надо было только попросить заранее, а не после истечения срока. После назначенной даты должник просто переставал существовать для всех.

Карточный мир – непростой мир. Игра требует ума, внимания, а профессиональная игра – абсолютной самоотдачи. Во время игры я становился другим человеком. Какие-то неведомые внутренние резервы открывались, когда я брался за карты. Обострялось не только зрение, мысль становилась молниеносной, поэтому удавалось и просчитывать ходы соперника, и следить за его руками. А виртуозность рук в картах – это важно, потому что руками можно мошенничать. Это не считалось нечестной игрой, ведь вы знаете о возможности обмана, поэтому должны бдительно следить за соперником и не позволять ему «провернуть»

комбинацию руками. Обман руками в картах никогда не считался нечестным – это как подсечка в борьбе, это лишь один из приемов, один из способов одолеть соперника.

Играли по-разному. Например, можно было договариваться о том, как отдается проигрыш: скажем, проигранные сто тысяч можно было расписать на пять месяцев по двадцать тысяч ежемесячно. Или же обещать выплатить все сразу, что всегда приятнее для победителя. Но за «сразу» можно было требовать «игровую сладость», «перевес» какой-нибудь в игре, «шанс», «фору». Много было нюансов, комбинаций всяких.

– Дай мне в игре первый заход, – канючил более слабый игрок, обещая выплатить проигрыш, не расписывая его на долгое время.

– Дай первый бросок в костях...

– Дай мне фору в столько-то очков, – просили, если игра шла на очки.

Обычно договаривались о таких вещах до начала игры, но иногда условия могли поменяться во время нее: если кто-то начинал проигрывать, но не желал выходить из игры, тогда я предлагал «расписать» выплату проигрыша на конкретные числа. Иногда люди выплачивали долг, но не могли, трезво оценивая свое материальное положение, дальше играть на том же уровне. Тогда они из «высшей лиги» уходили «вниз». Для любого игрока

это горькая ситуация.

Меня ничто не пугало. Я рвался в бой, чтобы рано или поздно подняться на самый верх. Большинство матерых картежников было значительно старше меня. Поначалу они все насмехались надо мной. Для них я был молокосос, хоть и при деньгах. Наверное, они думали, что я проиграюсь и убегу, испугавшись их уровня. Но я каждый раз приносил деньги. Так что честность свою мне удалось доказать быстро. Для этого приходилось время от времени ездить на поездах – там обыгрывал пассажиров (азартных людей в поездах много, скука давит всех, а профессиональных игроков в поезде почти не встретишь, поэтому выигрыши давались мне без малейшего труда). Промышлял я и в аэропортах, и на вокзалах. Это не очень честная полоса в моей жизни, поскольку я заведомо был сильнее моих противников, лишь прикидывался простачком; они надеялись на легкий выигрыш, а в результате оставались с пустым кошельком.

Хорошо, что «вокзальная» эпопея тянулась недолго. Для меня, как для профессионала, она не представляла никакого интереса. Легко «наварить» крупную сумму – это одно, а участвовать в интересной, сложной и тонкой игре – совсем другое. Любой профессионал ценит мастерство и презирает дилетантизм. Дилетант – это не новичок и не ученик, дилетант – это тот, кто осмеливается считать себя знатоком, в действительности ничего не зная толком. Дилетант имеет наглость тягаться с профессионалами, даже не утруждая себя вопросом: а что есть профессионализм? Дилетантов не любит никто, они мыслят примитивно и, ослепленные безграничным тщеславием, убеждены, что мир покорится им.

Мне хотелось играть в «высшей лиге». Да, я уже стал профессиональным картежником, но до мастера мне еще было далеко. Меня обыгрывали, но я не сдавался, шлифовал свои навыки. Они ждали, что я отступлюсь и уйду «вниз», но я проявлял упорство, и они впустили меня в свой круг.

Разумеется, по уровню я еще не дотягивал до мастеров, но я выработал свой способ, в котором мне помогала моя наблюдательность. Подавляющее большинство игроков «высшей лиги» играло легко, с юморком, подтрунивая друг над другом, похихикивая. Конечно, случались игры, где требовалась максимальная сосредоточенность, тогда сам воздух в катране накалялся, но все-таки обычно царила атмосфера спокойствия.

Играли всюду. В городе был всегда основной катран, а вокруг него много мелких. Катраны различались по играм – кто в секу играл, кто в нарды. В главный катран съезжались со всего Советского Союза, и там играли сутками. Одни приходили,

другие уходили. Очень редко бывало, чтобы никого не оставалось в катране. Многие приезжие даже жили там, особенно проигравшиеся: они ждали своей удачи. Однако не стоит думать, что карточным полем была только Москва. Мы ездили по всем крупным городам страны. Летом выбирались в Сочи, Ялту, иногда навещали Юрмалу.

Где бы ни состоялась игра, мы всегда ездили группами. Пройдет, например, слушок, что какой-то крупный игрок из Грузии едет в Сочи, мы сразу туда собираемся. Были ведь легендарные игроки, на которых не просто посмотреть хотелось, но и помериться с ними силой. Ради таких игроков (мы говорили «под таких игроков») ездили специально. Стоило им появиться где-то, как вокруг тут же возникала игра. Информация разносилась быстро.

В основном я играл по-крупному в гостиницах, где собирались настоящие игроки. Нам, конечно, не разрешали собираться. Играли нелегально. Снимали номер (это требовало связей, ведь в то время с гостиницами было нелегко), иногда два-три номера сразу, ходили из одного в другой, смотрели, есть там игра или нет, есть ли подходящие партнеры или нет. Игра почти никогда не прекращалась.

Разумеется, милиция не давала нам покоя. Раз времяпрепровождение за картами считалось незаконным, то за нами неусыпно следили. Когда игра шла в гостинице, горничные докладывали об этом по инстанции, видя наши хождения из номера в номер. Я не хочу и не могу осуждать их, потому что контакт с милицией, как я понимаю, входил в их обязанности. Каждый должен выполнять свою работу. Не сообщила бы горничная о подозрительном движении на своем этаже, ее могли бы с работы выгнать, а то еще и заклеймили бы в пособничестве «паразитирующим элементам», – словом, устроили бы очень неприятную жизнь.

Наверное, и в нашей собственной среде были стукачи, но я их не знаю, по именам никого не смогу назвать. Может, это и к лучшему – всегда неприятно обнаружить, что человек, которому ты доверял, оказывается, интриговал за твоей спиной и предавал тебя.

Так или иначе, облавы случались регулярно. Если милицейский ураган проносился, никого не коснувшись, то мы просто перебирались в другой номер и продолжали игру. Потом опять снимали новый номер, опять...

Облавы устраивались примерно пару раз в месяц. Иногда чаще. В милиции нас всех знали. Милиция хорошо работала. Забирали нас, требовали объяснительные, проводили

профилактические беседы, кому-то давали «пятнадцать суток» (было такое почти безобидное наказание в советское время – пятнадцать суток исправительных работ). У некоторых отнимали паспорта и отправляли на родину. Ну а как еще заставить человека уехать домой? Нас считали «паразитами». С точки зрения общепринятой морали и существовавшего закона мы таковыми и были, потому что вся страна просыпалась, как говорится, «по гудку» и дружно шла на работу – на заводы, в конторы, в министерства. Все что-то производили, а если и не производили, то писали какие-то бумаги, следовательно, в той или иной форме участвовали в общественно полезном труде (какое странное и забытое теперь словосочетание – «общественно полезный труд»), с нетерпением дожидаясь окончания рабочего дня и надеясь, что не придется потом просидеть час-другой на партийном или профсоюзном собрании. Люди были не свободны распоряжаться своим временем.

Мы же, отдаваясь целиком своему главному делу, могли отдыхать, когда нам этого хотелось. Мы не жили в русле общепринятых правил. За это нас и занесли в категорию «паразитов». За это нас и наказывали.

В результате облав у меня дважды изымали паспорт, брали подписку о том, что в течение 72 часов я обязан покинуть Москву и отправиться по месту моей прописки. Прописан-то я был в Ташкенте, а в СССР строго соблюдался паспортный режим. Приходилось лететь домой. Только там, в отделении милиции, я мог получить паспорт обратно. Без паспорта человек – ничто.

Высылкой из Москвы власть пыталась устрашить нас или по крайней мере показать, что мы находимся у нее «под колпаком», а потому рано или поздно нас возьмут за горло. Статья об азартных играх существовала, но кого-нибудь под нее «подвести» удавалось в редких случаях, потому что мы обычно были без денег, доказать что-либо было трудно, а без доказательной базы ничего сделать нельзя. Сама по себе игра в карты не запрещалась, карты продавались в магазинах. Запрещалась игра на деньги. Но милиция не в силах была доказать, что мы играли на деньги. Вот нас и «прорабатывали», учили уму-разуму, брали с нас слово больше не заниматься этим. Мы, конечно, обещали, что никогда к азартным играм близко не подойдем. Смешно и грустно. Они понимали нас, мы понимали их. И каждый оставался при своем.

Игроки друг на друга никогда не показывали, мы же близки были, дружили зачастую семьями, знали детей и жен, вместе праздновали дни рождения, несмотря на то что друг другу проигрывали и друг у друга выигрывали. Никто не завидовал никому, меж нами не было вражды.

Сегодня даже в большом спорте, наверное, таких отношений не увидишь: слишком сильна конкуренция. Победа сегодня означает не просто золотую медаль, она втягивает спортсмена в спортивный бизнес. Взять хотя бы большой теннис: партнеры вне соревнований обнимаются, целуются, а на турнирах, например таких престижных, как Кубок Дэвиса, – каждый за себя, каждый за собственное имя дерется по-звериному, с яростью. Мне кажется, что сегодня люди потеряли главное – дух партнерства.

Были среди нас настоящие партнеры, неформальные. Например, я был в чем-то силен, допустим в шахматы играю лучше остальных. И вот кто-то вызвал меня на игру. Некоторые наверняка знали, что я выиграю, потому что среди собравшихся я – лучший, и тогда они просили взять их в партнеры: «Алик, можешь взять нас в долю, процентов на десять?» Я соглашался, потому что это были мои хорошие знакомые. Получалось, что мне порой доставалось от выигрыша лишь двадцать, тридцать, сорок процентов, а шестьдесят раздавал друзьям.

Да, партнеры были друзьями, а друзья – партнерами. Мы вместе работали.

Я говорю «работали», потому что игра была работой, никогда игра не была отдыхом. Слишком уж большие суммы ставились на кон. Иногда мне приходилось играть по три дня подряд, а это серьезно изматывало. Но я никогда не хотел пропустить хорошей игры, не хотел пропустить момент, когда будут кого-то обыгрывать.

В то время игра в карты была выше большого спорта, однако общественное мнение ставило картежников в один ряд с преступниками.

У меня нет желания переубеждать кого-либо, но я не могу не возразить. Игроки не были преступниками. Да, у них крутились большие деньги, и если бы нам позволяли платить налоги с игры, мы бы их платили. По большому счету, это были законопослушные люди, благороднейшие люди, но их затянула игра. Азартные люди никогда не переводились, азартные игры всегда существовали и будут существовать. Бороться против этого бессмысленно. Надо лишь направить азарт в какое-то контролируемое русло.

К сожалению, советский закон не разрешал играть, а мы играли, следовательно, нарушали закон. Именно это заставляло нас вести себя скрытно, уходить в подполье. Но несправедливо записывать нас в преступники только из-за одного нашего желания играть. Были, конечно, в нашей среде отдельные личности, которые имели серьезные судимости, но это не имело для нас значения. В основном меня окружали люди высочайшей

порядочности.

Нас задерживали, штрафовали, ругали, требовали прекратить игру, однако это было выше наших сил. Жажду игры нельзя вытравить, она должна иссякнуть сама. Впрочем, картежник редко меняет профессию. Многие доживают до старости, так и не избавившись от карточной напасти. Для некоторых карты – хуже самой тяжкой болезни. Почему же называть их преступниками?

У нас был один игрок, которого мы называли Капитан, потому что он был офицер Советской армии и в нашу компанию попал, когда носил капитанские погоны. Потом он вырос до майора, а то и до подполковника, и вот однажды – когда именно, не помню точно, – его забрали во время очередной облавы. Поскольку он был при погонах, милиция передала его военным, возможно в военную прокуратуру. Бумаги по его задержанию отправили «наверх», нашего Капитана вызвали «на ковер» к начальству и устроили ему разнос по полной программе: мол, что же вы, товарищ офицер, вам же до выхода на пенсию самая малость осталась, а вы так себя позорите, с преступниками связались. Он им на это ответил: «Там, где я играю, люди честнее, чем здесь, у нас на службе. Там люди строго держатся своих понятий. Там слово – это слово, а у вас тут только пустобрехи. Я никого не опозорил, честь мундира не запятнал. Есть у меня слабость – игра, но это моя личная беда, работе она не помеха».

К нашим доводам не хотели прислушиваться, даже если отдельные милиционеры нас и понимали. Но люди – это одно, а закон – другое. Раз мы нарушали закон, нас следовало наказывать. На Петровке работали хорошо, все знали обо всех. Следили серьезно.

Глава 4
Вкус несвободы

Свободен лишь тот, кто владеет собой.

ШИЛЛЕР

Малодушие – удел ничтожных. Тот, чье сердце твердо, будет до конца отстаивать свои принципы.

ПЕЙН

Память сохранила некоторые подробности того дня, когда я узнал об очередной крупной игре, намечавшейся в новом катране в гостинице «Россия».

Гостиница «Россия» казалась в те годы необыкновенно современной, европейской, просторной, стеклянной. В фойе всегда было многолюдно, мягко открывались двери подъехавшего лифта, кто-то смеялся, слышался легкий шум шагов, звучала иностранная речь.

Поднявшись на пятый этаж, я прошел по ковровой дорожке к нужному номеру и бодро постучал. Секунд десять спустя дверь неторопливо открылась и меня впустили. Сделав пару шагов, я остановился, увидев нескольких человек, по лицам которых безошибочно угадывалась их принадлежность к милиции, хотя все были в штатском. У окна спиной ко мне стоял коренастый мужчина. Он повернул голову и глянул на меня через плечо. Круглое лицо, прозрачные глаза, тонкие губы.

– Ну что, Алимжан? – спросил круглолицый.

– Не понял, «что»?

– Играть пришел? Сегодня игры не будет. Сегодня мы снимаем урожай. – Круглолицый многозначительно поцокал языком. – Паспорт с собой?

Я кивнул и полез в карман за документами. Стоявший у меня за спиной человек забрал паспорт.

– Отведите его вниз, – распорядился круглолицый.

Минут через пять я оказался в дежурной комнате, где дружинники и милиционеры обычно проводили профилактические беседы с проститутками и составляли протоколы на задержанных фарцовщиков.

– Нарушаете? – почти равнодушно спросил дожидавшийся

нас милиционер и отодвинул лежавший перед ним журнал «Огонек». Он полистал мой паспорт и повторил, но теперь уже без вопросительной интонации: – Нарушаете. Проживаете в Москве без прописки. А ведь у вас уже есть два предупреждения.

– У меня в Москве невеста, – ответил я.

– Это ничего не значит! – Милиционер многозначительно постучал пальцем в развернутый паспорт. – Прописка! Прописка нужна. Закон есть закон. Придется принимать меры.

Статья 198 Уголовного кодекса предусматривала наказание за нарушение паспортного режима. Она была удобна, чтобы взять человека за горло. У меня были две подписки о выезде из Москвы, так что третье задержание, связанное с отсутствием прописки, грозило судом. Мы с невестой уже собирались подать заявление в загс, и я, хотя прописку имел ташкентскую, считал себя уже полноправным москвичом. Но и женившись, я не сразу прописался бы в Москве. Выписываться из ташкентской квартиры я не мог, потому что мама умерла, а брат служил в армии. Если бы я сделал это, то брат, не проживая по месту прописки, мог потерять жилплощадь. Тогда все очень непросто было с пропиской, поэтому я ждал, когда брат вернется из армии, чтобы со спокойным сердцем выписаться из Ташкента.

– За нарушение закона надо отвечать, – проговорил милиционер. – Сейчас наберем побольше ваших дружков и отправим.

– Куда? – сорвался с моих губ вопрос.

– В тюрьму, – ухмыльнулся страж порядка. – Не умеете по-хорошему, будем с вами по-плохому.

Так я попал в «Матросскую тишину».

В общей камере находилось человек сорок-пятьдесят. В первое мгновение мне почудилось, что я попал в баню – настолько душным и мглистым был воздух внутри. Мест на всех не хватало, многие спали на полу. Лязгнувшая за спиной тяжелая дверь поставила окончательную точку и загасила последнюю искру еще теплившейся в душе надежды на иной исход. Меня посадили в тюрьму.

Теперь нужно было держать себя в руках. С тюремными порядками я не был знаком, но слышал много историй. Карточный мир богат не только деньгами, но и людьми с поразительным жизненным опытом. Раньше я не думал, что встреча за карточным столом с людьми, отсидевшими срок, будет мне подспорьем: их рассказы о тюремных нравах оказались весьма полезной информацией. С первых же минут я повел себя уверенно, потому что карточные игроки высокого класса пользовались авторитетом, и уже через неделю освоился совсем.

Это не значит, что чувствовал себя легко и вольготно, просто я преодолел барьер первого шока и не впал в уныние. Первое, что вспоминается мне сейчас о той тюрьме, это голод. Меня постоянно терзал голод. Для крепкого молодого организма, к тому же привыкшего к вкусной еде, тюремная пища была пыткой. Миска с жидкой кашей, кусок хлеба и два куска сахару, которые просовывали в камеру через «кормушку» – это даже гадостью назвать нельзя. Но плохая кормежка и ужасные бытовые условия – не самое плохое, к чему пришлось привыкнуть. Люди и отношения между ними – вот что важнее всего. Многие ломаются в тюрьме на первом шаге, потому что не понимают, когда и что можно сказать, с кем следует общаться, а кого надо сторониться. Мне удалось не только устоять, но и завоевать авторитет среди сокамерников.

Примерно через полтора месяца состоялся суд. Единственным свидетелем выступила моя невеста Татьяна.

– Не понимаю, как можно судить человека лишь за то, что он проживает без прописки, – грустно говорила она, обращаясь к судье. – В чем тут преступление? Мы с Аликом уже почти муж и жена, скоро должны пожениться, создать семью. Что теперь будет? Почему вы так суровы к нему?

Я видел по глазам судьи, что он рад бы сказать, что государству плевать на самом деле, где я прописан, и что государство в действительности раздражено только одним – моей карточной игрой и деньгами, заработанными в ней. Однако говорить об этом вслух судья не мог.

– Мы поставлены, чтобы следить за соблюдением закона, – сухо ответил он моей невесте. – А в данном случае закон нарушен. Гражданин Тохтахунов проживал в Москве без прописки, дважды был официально уведомлен об этом и выслан из Москвы. Теперь Уголовный кодекс предполагает более суровое наказание...

Из Ташкента на суд приехал старший тренер мастеров Вячеслав Дмитриевич Соловьев с письмом от «Пахтакора», в котором была просьба отдать меня на поруки команде. Горько и сладко было видеть этого замечательного человека в зале суда. Горько – потому что ему отказали, хотя письмо от футбольной команды высшей лиги могло приравниваться к ходатайству от республики. Сладко – потому что лестно, когда такой великий тренер оказывает тебе доверие. И уж не знаю, как все обернулось бы, если бы меня отпустили тогда. Пришлось бы от карт отказываться, чтобы не подводить «Пахтакор», а ведь я не хотел бросать игру в карты.

Так в 1972 году я впервые был осужден – не совершив ничего

ужасного, а просто нарушив паспортный режим. Мне дали год общего режима.

Я вернулся в «Матросскую тишину», но уже в другую камеру. Теперь я был в числе осужденных. В общей сложности меня промурыжили в московской тюрьме три месяца: полтора месяца до суда, потом еще полтора месяца я ждал этапа, и лишь после этого меня отправили на исправительные работы на стройку народного хозяйства в Коми АССР. Вагоны, в которые нас загнали, насквозь пропахли грязными телами. Густой запах пота не выветривался, несмотря на большие щели в стенах и на постоянный сквозняк. Сутки или двое тряслись мы на нарах, припав к щелям и вглядываясь в проплывавший снаружи мир. Замкнутое пространство давило на психику, но я успокаивал себя тем, что мы едем не на край света.

Когда поезд остановился и тяжелая дверь с грохотом откатилась, в вагон ворвался свежий ветер, донесся вкусный запах хвои.

– Выходи строиться!

Там, в Коми, нас расконвоировали, и я сразу почувствовал себя почти полноценным человеком. Тюрьма с ее давящей смрадной духотой осталась позади и воспринималась теперь как дурной сон, который никогда не вернется.

– Здесь пахнет волей, – сказал я.

– До воли еще далеко, браток, – послышалось за спиной. – Руки в кровь сотрем на этой стройке, пока воли дождемся.

Нас разместили в деревянных бараках и строительных вагончиках. По сравнению с тюрьмой условия показались вполне сносными. Предстояло прокладывать газопровод, который назывался не то «Северное сияние», не то «Сияние Севера». Мы рубили лес для будущей трассы, возводили какие-то компрессорные станции, рыли землю…

– Эй, – услышал я однажды. – Ты узбек?

– Узбек.

– Из Ташкента?

– Да.

– И я из Ташкента.

Передо мной стоял невысокий человек с растрепанной шевелюрой и широко улыбался.

– Рад видеть земляка, – сказал он и протянул руку для пожатия.

Узнав, что меня определили на лесоповал, он сразу отвел меня к начальнику участка.

– Пак, познакомься, это мой земляк. Надо ему полегче работу найти.

Начальником участка был кореец. Поглядев на меня оценивающе, Пак кивнул.

– Будешь в моей бригаде, – решил он.

– А что делать? – спросил я.

– Природой любоваться, – засмеялся он.

Время шло. Работа меня не утомляла, но однообразие все-таки тяготило. Мне очень хотелось вырваться с территории стройки, но я понимал, что это невозможно.

– Почему невозможно? – улыбнулся Пак, когда я заговорил об этом однажды за ужином. – Давай представлю тебя коменданту. Мы с ним в хороших отношениях. Объясни ему, что тебя чуть ли не со свадьбы вырвали, семья гибнет из-за этого. Попроси отпустить тебя повидать невесту.

– И отпустит?

– Может, и отпустит...

Комендант оказался отзывчивым мужиком.

– Ничто человеческое нам не чуждо, – сказал он. У него было худое лицо, крупный нос, кривые мелкие зубы и хитрые глаза, в которых, казалось, скрывался свет всех человеческих пороков и добродетелей одновременно. – Невесту, конечно, надо повидать. Ты парень молодой, тебе без этого нельзя. Можно и отпустить...

– Правда? – с недоверием произнес я, а сердце мое уже стучало учащенно, почуяв дорогу домой.

– Можно отпустить. Но не просто так, конечно. Не на прогулку. По работе поедешь, в командировку. Выпишу тебе маршрутный лист. Завтра Пак подготовит список. Нам надобно краску кой-какую раздобыть и еще всякую мелочь. Справишься? Москву хорошо знаешь?

– Справлюсь.

Так, с командировочным листком в кармане, я прикатил в Москву. В первый же вечер я направился в бильярдную, что в парке Горького. Там собирались сливки бильярдного общества, асы-игроки с громкими именами. Беседуя с ними, в жизни не подумаешь, что они картежники – интеллигентные, начитанные люди, умевшие в разговоре ненавязчиво ввернуть цитату из Пушкина или Достоевского. Я был совсем молодой, всего двадцать три года, далекий еще от культуры. И все же они говорили со мной как с равным, и мне это льстило. Чего стоит один только старик Мойта. Он играл с самим Маяковским! Ежедневно в бильярдную приходили два умнейших и благороднейших человека – Федор Алексеевич и Борис Моисеевич, к которым все обращались только по имени-отчеству и фамилий которых я никогда не слышал. Эти двое всегда одевались со вкусом, выглядели элегантно, вели себя с

достоинством. Федор Алексеевич был княжеских кровей, высокий, эффектный; на здоровье он никогда не жаловался, а умер на лестничной клетке, поднимаясь к себе в квартиру: присел отдышаться и... – сердце остановилось...

Едва я вошел в прокуренное помещение бильярдной, меня обступили со всех сторон, забросали вопросами, предлагали помощь, совали мне в карман кто сотню, кто двести рублей.

– С освобождением тебя, Алик, – смеялись они. – Приоденься, а то поистаскался ты что-то.

Сначала я купил себе хорошие вещи, а потом поспешил на авторынок, где достал краску и все прочее, что было указано в списке. Пять дней в столице вернули мне бодрость духа, и в Коми я возвратился заметно посвежевшим.

– Вижу, на пользу тебе поездка, – отметил комендант.

– А это вам в подарок, – сказал я, поставив на стол ящик баночного пива и положив несколько батонов копченой колбасы. Все это я приобрел в «Березке», куда даже из москвичей мало кто мог попасть, а уж строители из дремучей Коми АССР и слыхом не слыхивали про сеть магазинов «не для всех». – Спасибо вам за вашу доброту.

– Ну ты даешь! – Комендант оторопело разглядывал диковинные продукты.

После этого случая начальство перевело меня на должность снабженца. Еще раза четыре я выбирался в Москву, обязательно возвращаясь оттуда с гостинцами.

– Алик, – заговорил со мной комендант однажды вечером, густо пыхтя папиросой, – хочу побеседовать с тобой.

– Что-то случилось?

– Случилось одно: ты попал в эту дыру, а тебе здесь не место.

– А кому тут место? – хмыкнул я.

– Люди разные есть. Некоторым только тут и место. Но ты создан для другой жизни.

– Ничего не поделаешь, – пожал я плечами. – Так уж получилось. Попал сюда. Спасибо, что вы ко мне по-человечески отнеслись.

– Парень ты хороший, нравишься мне. И широта мне твоя по сердцу. Только здесь твоей широты никто не поймет.

– А где ее поймут?

– Где-нибудь и поймут, но не здесь. Тебе надо уходить. – Он помусолил губами размокший кончик папиросы.

– Легко сказать, – усмехнулся я.

– Хочешь хороший совет?

– Хороший совет никому не помешает.

– Поезжай в Ташкент, ложись в больницу, оттуда приедешь в

конце срока, мы отдадим тебе твой паспорт.

– И все?

– И все, – сказал он, хитро улыбаясь.

– И как же мне в Ташкент отлучиться?

– Напишешь заявление, что тебе надо уехать по семейным обстоятельствам, и я дам тебе открепление.

Я последовал его совету и через несколько дней уехал в Ташкент «по семейным обстоятельствам». Там лег в больницу, отправил телеграмму и справку коменданту. А когда срок закончился, я прилетел в Коми, забрал паспорт, и на этом моя эпопея на стройке газопровода завершилась.

Я снова отправился в столицу. Вернулся в карточную жизнь. Женился на Татьяне. Прописался в Москве, воспитывал сына Мишу. В 1979 году у меня родилась дочь Лола. Меня окружали замечательные люди. Казалось, жизнь наступила спокойная и радостная. Но, как показало время, судьба моя была сплошь исполосована черными и белыми линиями.

Лето 1985 года ознаменовало мое вступление в очередную черную полосу. Поездка в Сочи всей семьей обещала массу удовольствий. В памяти возникает людная набережная, пышная зелень, ажурные тени пальм на залитом солнцем асфальте. Мы все – я, Татьяна и маленькая Лола – были одеты в белое, и этот белый цвет стал для меня на долгие годы символом Сочи. Тогда там гастролировали Иосиф Кобзон, Юрий Антонов, Янош Кош. Вечерами они были заняты, потому что давали концерты, а днем пользовались каждой выпадавшей им минутой, чтобы выйти на пляж и позагорать немного.

Разумеется, в Сочи было много картежников. Но играли мы только на пляже, ни о каких гостиничных номерах на курорте речи не шло. Играли без денег – на честное слово, поэтому придраться к нам не могли. А на пляже от скуки картами развлекался каждый десятый отдыхающий, так что профессиональные каталы легко терялись в общей массе.

И все же нас знали. Как-то раз на улице мне указали местного майора милиции и предупредили, что он занимает высокую должность. При встрече на улице или при входе на пляж мы обязательно здоровались с ним, обменивались приветливыми взглядами и даже иногда беседовали о каких-то пустяках. Он всегда разговаривал доброжелательно, улыбался радушно, и понемногу у меня сложилось впечатление, что майор симпатизирует мне. Если во время наших коротких встреч я был с Лолой, он непременно шутливо трепал дочку по затылку и пожимал ее ручонку.

– Красавицей будет, – весело предсказывал он. – В родителей

пошла.

– Да, Лола очаровательный ребенок, – соглашался я.

В один из вечеров, когда солнце уже коснулось моря, этот майор остановил меня на набережной.

– Привет, Алик. Закурить не найдется?

– Я не курю.

– Извини, забыл. Послушай, ты не мог бы завтра заскочить утром в отделение милиции?

– Мог бы.

– Часам к одиннадцати. Устраивает?

– Вполне.

– И возьми с собой паспорт.

– Ладно.

Утром я сказал жене, что меня зачем-то вызвали в милицию.

– Что-нибудь произошло?

– Нет, просто попросили зайти.

– И ты не поинтересовался зачем?

– Ну... Как-то в голову не пришло, – ответил я, потирая глаз.

– Что с глазом?

– Наверное, что-то попало, – сказал я, остановившись перед зеркалом. – Дай посмотрю. – Жена подвела меня к окну, но ничего не увидела. – Болит?

– Дергается что-то.

– Промой холодной водой, Алик...

Я отмахнулся и быстрым шагом направился в отделение милиции, намереваясь оттуда пойти прямо на пляж. В комнате начальника отделения меня уже ждали за столом четверо офицеров. Знакомого майора там не оказалось.

– Здравствуйте, Алимжан, присаживайтесь.

Я подвинул стул к столу.

– Алимжан, вы, кажется, играете в карты?

– Многие играют.

– Но вы играете профессионально?

– Как посмотреть на это. Есть игроки получше, есть похуже.

– И вы нигде не работаете?

– У меня жена работает.

– Кем?

– Секретарем у Тухманова.

– У знаменитого композитора? – уточнили они с удивлением.

– Да, – подтвердил я.

Они переглянулись и после недолгой паузы, пошептавшись меж собой, продолжили допрос.

– А вы, значит, не работаете?

– Нет. Жена получает пятьсот рублей. Нам вполне хватает.

– Сколько получает? Пятьсот рублей?

Зарплата моей жены их по-настоящему удивила. В то время инженер получал 120 рублей, младший офицер в армии – 250-300.

– Да уж, – крякнул один из милиционеров.

– Что вас смущает? – спросил я.

– Нас смущает, что вы не работаете, гражданин Тохтахунов.

– Почему вы в такой форме ко мне обращаетесь? Почему вдруг «гражданин»?

– Нам придется задержать вас.

– Меня? За что? На каком основании?

– За тунеядство.

– Но...

– Вопросы излишни, гражданин Тохтахунов. Поступило такое распоряжение...

В следующее мгновение в кабинет вошли два сержанта и ловкими движениями сняли с меня ремень.

– Подождите! Что же это такое?!

Они не ответили и повели меня, грубо толкая в спину, в подвальное помещение. Когда и кто сообщил моей жене о моем аресте, не знаю, но вечером кто-то из друзей передал мне в камеру цыпленка табака из ресторана. Я съел его без малейшего аппетита. Все мои мысли были заняты арестом. Попасть в камеру, находясь на сочинском курорте, было верхом абсурда! Поверить в такое мог только фантазер с извращенным воображением. И все же я, одетый в белые брюки и белую рубашку, сидел в спецприемнике вместе с бомжами.

Так минуло несколько дней.

Затем появился следователь. Он был довольно молод, но меня поразила его ответственность. Он понимал, что тунеядство – лишь повод для моего задержания и что действительной причиной были карты. Он не раздражался, не торопился, не пытался обвинить меня в чем-то, что не имело ко мне отношения.

– Неужели вы не могли просто числиться где-нибудь? – спросил он во время первого допроса. – Что вам стоило устроиться формально хоть куда-нибудь? Неужели хочется из-за ерунды на зоне париться?

– Вот видите, – говорю ему, – вы меня на что толкаете? На нарушение закона. На подлог. Числиться, но не работать. А если бы меня взяли при «липовой» работе, то вы что сказали бы? Обманываю государство! Если бы числился где-то, но не работал, вы мне сейчас семь лет давали бы в качестве наказания. Без труда доказали бы, что я на самом деле не работаю, но за кого-то расписываюсь в документах. И так далее... Зачем мне все это? Я

честен: не работаю, но и не скрываю этого. Я не обманываю никого. Тунеядец? Паразит? Называйте как хотите! По этой статье сидел Бродский, он величайший поэт, но его упекли за решетку как тунеядца. А потом он получил Нобелевскую премию. Это же позор для нашей страны! Что я сделал преступного? Играл в карты? Я не обворовал, не ограбил, не убил. У меня жена зарабатывает 500 рублей в месяц, я имею формальное право не работать нигде и заниматься воспитанием детей…

Но все разговоры были бесполезны. В Советском Союзе шла грандиозная чистка. В то время в МВД пришел Федорчук, раньше возглавлявший КГБ, старавшийся проявить себя на новом посту. Ему нужны были быстрые результаты. Откуда взять результаты? Проще всего было арестовать всех людей с громкими именами, которые считались «антисоциальными элементами». Картежников взять легче, чем вооруженных бандитов. Риску никакого, а хорошие показатели налицо. Меня и взяли под этот шум волны. Нами тогда в МВД на самом высоком уровне занимались.

Следователи приезжали в Сочи из Москвы. Думаю, что работать им было не очень легко, потому что вокруг ключом била курортная жизнь, шумело море, горячий воздух манил на пляж. А тут – допросы, душные кабинеты. Многие поспешили бы поскорее закончить дело, сбросить его с себя и, раздевшись до трусов, вытянуться на шезлонге. Но следователи оказались ответственными и грамотными. Они старались вникнуть во все детали.

– Алимжан, честно говоря, вам не повезло. Сейчас идет серьезная чистка в преступной среде. Вы попали под большую гребенку.

– Я не преступник. Я картежник.

– У вас есть большие сбережения, а вы нигде не работаете. Это вызывает много вопросов.

– Я отвечу на любой вопрос. Мне бояться нечего.

– В картежной среде варятся разные люди. Надеюсь, вы не станете отрицать этого? В том числе есть уголовные элементы. Нам хотелось бы знать, с кем из них вы поддерживаете отношения.

– Решили повесить на меня какие-то сомнительные делишки?

– Нет, просто хотим во всем разобраться.

Надо отдать им должное, они трезво оценивали ситуацию: если я играл в карты, играл по-крупному, то зачем мне «мокрые дела», зачем грабежи и взломы? Мне мараться не было никакой нужды. Я мог сто тысяч выиграть вечером и не вспомнить об этих деньгах до утра – настолько я был привычен к огромным суммам. Так неужели я стал бы рисковать спокойной жизнью и втягиваться

в криминал? Но милиции была дана команда рыть землю носом. Поэтому меня на допросах расспрашивали и про какие-то грабежи, и про убийства. Ведь понимали, что я не имел отношения ни к разбоям, ни к кражам, но все равно допрашивали.

Однажды следователь вызвал меня к себе и заговорил на другую тему.

– Алимжан, тут Иосиф Давыдович Кобзон активно за вас ходатайствует. Он даже концерт для сотрудников краевого МВД дал. С нашим высшим начальством беседовал... Янош Кош приходил с Кобзоном к нам. Хорошие у вас друзья, оказывается.

– Хорошие.

– Таким людям трудно отказывать. Скажу вам по секрету, – наклонился ко мне следователь, – прокурор Краснодарского края не хочет давать санкцию на ваш арест.

– Что ж, я только порадоваться могу этому, – с облегчением улыбнулся я.

– Так что мы обязаны отпустить вас.

– Спасибо.

– Можете позвонить жене в гостиницу и сказать, что выходите. – И он подвинул мне тяжелый телефонный аппарат.

– С удовольствием.

Пока я набирал номер, крутя пальцем тугой диск, он внимательно смотрел на меня, и в его глазах читалось недоумение. В трубке раздались короткие гудки.

– Занято, – объяснил я, положив трубку.

– А вы знаете, Алимжан, что отсюда в Москву ушла докладная записка с жалобой на Кобзона? Мол, следствию он мешает. Авторитет у него большой, возражать ему нелегко. А говорит Кобзон очень убедительно. Я сам слышал.

– И что теперь?

– Неприятности могут быть у Иосифа Давыдовича.

– Но он же не нарушил закона! Он имеет право просить за друга?

– Конечно, имеет право. А кое-кто испугался. Уж если сам прокурор сломался под убедительным обаянием Кобзона, что уж говорить о фигурах помельче...

Я опять набрал номер и услышал голос жены.

– Алло?

– Таня! Ну, все кончилось благополучно. Меня отпускают...

– Скажите, пусть приезжает за вами, – подсказал следователь.

В эту минуту дверь распахнулась и в кабинет вошел сосредоточенный мужчина. Впившись в следователя жестким взглядом, он мотнул головой, приглашая его выйти для разговора. Следователь вскинул удивленно брови.

– Что? Срочно?

– Пошептаться нужно...

Он вернулся очень скоро и не сразу сел за стол. Я посмотрел на него через плечо, и в животе у меня образовался холодный комок дурного предчувствия.

– Из Москвы звонили, – проговорил он задумчиво.

– По мою душу?

– Дана санкция на ваш арест, Алимжан. За подписью генерального прокурора.

Я молчал несколько долгих минут, осмысливая услышанное.

– То есть... Я не выхожу?

– Нет. Вы остаетесь здесь.

– И что же, генеральный прокурор занимается теперь простыми тунеядцами?

– Может, не сам генеральный, а заместитель... Впрочем, это не принципиально.

– Вот какая важная птица попалась вам в руки, – горько рассмеялся я. – Опасный тунеядец Алимжан Тохтахунов! Отправлен в тюрьму за личной подписью генерального прокурора... Что теперь? За решетку?

– Да...

Потом была тюрьма в Армавире. Камера человек на двадцать. Душная, серая, смрадная, но все-таки чище московской тюрьмы. Продолжались бесконечные допросы, и следователи носились по всей стране, встречаясь с моими знакомыми и задавая им какие-то вопросы. А знакомые у меня были в основном именитые – София Ротару, Владимир Винокур, Иосиф Кобзон, Давид Тухманов, Алла Пугачева. Думаю, что следствию пришлось нелегко: плохого обо мне никто не говорил, а указание «влепить» мне срок следственная бригада обязана была выполнить...

Суд состоялся ровно через два месяца после моего задержания в Сочи. И опять в мою защиту выступала только моя жена. Я слушал государственного обвинителя и поражался, что весь аппарат МВД СССР обрушился на меня, словно на опаснейшего из преступников, и что вся эта структура ничего не могла найти против меня. Я и моя семья стояли одни перед гигантской милицейской машиной, задумавшей раздавить меня лишь за то, что в глазах закона я был бездельником. Что ж, я могу гордиться, что никто и никогда не обвинял меня ни в чем страшном. Я могу гордиться, что страдал фактически невинно. Но как это тяжело – страдать...

Меня осудили, дали год, а потом в течение года искали что-нибудь еще, чтобы добавить срок. Но найти ничего не могли при всем их желании, при всем старании сверху. Я не тот человек по

натуре, чтобы кому-то сделать плохо. Обыграть могу, легко обыграть, но таков уж мир карт – кто-то должен выигрывать, а кто-то проигрывать. Если от этого кому-то плохо, то пусть не играют. В карточный мир идут добровольно, никто насильно не тянет.

А через пять месяцев я был уже на зоне: из Сочи меня отвезли в Рязань, из Рязани – в тверскую тюрьму, там я месяц ждал этапа, потом в Твери некоторое время, и затем уже – на зону.

Не успел я на зону прийти, как туда, на имя руководства, полетели письма и телеграммы от моих друзей – прежде всего от артистов. Они ходатайствовали за меня. Получив эти письма, руководство зоны пришло в замешательство. Они никак не могли взять в толк, почему обо мне так беспокоятся известные люди. Для них любой попавший на зону был человеком конченым, бесполезным, никчемным. И вдруг письма от Иосифа Кобзона, от Софии Ротару...

Начальник зоны вызвал меня для разговора и в конце задал мне вопрос:

– Ты какую работу можешь делать?

– Никакую.

– Как так?

– А вот так... Вы гляньте, за что меня осудили. За тунеядство. Меня посадили не за то, что я что-то неправильно сделал, а за то, что я вообще ничего не делал. Моя профессия – карты. Еще футбол. Можете найти мне здесь что-нибудь подходящее, чтобы я был «общественно полезен»? А другими специальностями я не владею. Я не слесарь, не инженер, не строитель. Я не умею работать в том смысле, в каком вы понимаете слово «работа»...

Начальник зоны долго думал, потом принял решение.

– Ладно, сетки будешь плести.

– Что за сетки?

– Под овощи, картошку и все такое. Сетки для овощных баз. Справишься как-нибудь, дело нехитрое.

Оказалось, что это самый, наверное, «удобный» отряд. Никакого каторжного труда. Но, как на любом участке, там был свой план. Каждый из нас должен был сдать хозяйству двести сеток в месяц, и я вполне справлялся с нормой. Более того, я перевыполнял план, сдавал по четыреста сеток в месяц. Правда, я вовсе не плел их, а скупал у тех, кто делал сверх нормы. Некоторые шустрики успевали наплести на десять, двадцать и тридцать сеток сверх нормы. Это «сверх» я у них скупал по пятьдесят копеек, кажется, за сетку. У одного пяток купил, у другого – десяток, у третьего еще сколько-то. За сорок рублей покупал четыреста сеток, тем самым перевыполняя план вдвое. За

это я получал 86 рублей на книжку (у нас же не было бесплатного рабского труда, нам всем ежемесячно платили по 40 рублей за норму). Деньги, конечно, смехотворные, но все-таки маленький бизнес грел мне душу. Наверное, это был мой первый опыт коммерции.

Слава богу, что мне выпала не самая тяжкая доля. Во-первых, у меня были деньги, а деньги и в заключении остаются деньгами. Во-вторых, будучи крупным каталой, я имел обширные знакомства, и по зоне быстро разошелся слух о моем статусе. Ко мне относились с уважением, и никто не доставлял мне хлопот.

Одним из самых больших развлечений на зоне для большинства был спор во время трансляций футбольных матчей, которые мы смотрели по телевизору (он стоял в так называемой «ленинской» комнате). Все обожали футбол, все делали ставки. А вот в карты я играл мало. Я профессионал, а на зоне не было никого моего уровня. Они там по двадцать лет сидели, играли во что-то и думали, что научились играть хорошо. Сели со мной, поиграли пять минут, я разогнал их. Это же естественно. Это был не мой уровень. Мог, конечно, сыграть с ними, скажем, на консервы какие-нибудь, но это все было несерьезно. Они же мыслят примитивно. А в игре надо прежде всего уметь думать!

Глядя на игрока, я всегда все понимал. Если игрок сложный, я мог взять у него фору, «замазать». Как только игрок попадал в шоковое состояние, я видел это по его глазам, читал в них неуверенность. Он как бы «плыть» начинал. Как в нокауте – ударили его, и он «поплыл», устойчивость потерял. Если он проигрывает, то немного его «подкеросинишь», и он уже готов – злиться начинает, торопится, ошибается. А ты успокоишь его, начинаешь с ним по-другому.

Профессиональный игрок – всегда психолог. Двадцать лет игры в карты дали мне большие знания. Я научился проводить определенные параллели между карточной игрой и прочими жизненными ситуациями, не совершал многих ошибок, хотя без ошибок, конечно, не получается жить. Карточная школа помогла мне правильно жить в дальнейшем. Я стремился понять «расклад» каждой ситуации, искал верное решение. Я прекрасно понимаю, что в игре человек должен быть жестким. И я был жестким, но вне игры я никогда не позволяю себе быть таким. Я часто сам предлагал «расписать» долг на месяц или два, если видел, что у проигравшего ситуация трудновата.

Игра – хорошая школа. Я научился оценивать состояние людей. Я сразу вижу, когда глаза лукавят, когда в человеке есть внутренняя неуверенность. Я все вижу.

На зоне это мне пригодилось: людей надо узнавать сразу,

понимать, с кем и что можно. Там условия тяжелые, атмосфера как бы сжатая, все предельно обострено. Несмотря на то что я чувствовал поддержку извне, никакого удовольствия я не получал. Это не курорт, хотя на зоне чувствуешь себя гораздо свободнее, чем в тюрьме. Нам даже позволяли играть в футбол.

Ко мне приезжал дважды Иосиф Давыдович Кобзон, и его приезд произвел на зоне настоящий фурор. Обо мне заговорили почти как о недосягаемом. Появление Иосифа Кобзона, величайшей фигуры советской эстрады, ставило меня на такую высоту, что я делался в глазах остальных заключенных чуть ли не небожителем.

Кобзон ходатайствовал за меня постоянно, пытался убедить руководство, что я всего лишь игрок. «Да, Тохтахунов играл в карты, но не больше. Зона – место для опасных преступников, а карты – не преступление», – настаивал Иосиф Давыдович. В то время сделать такое заявление – поступок в прямом смысле слова героический. Кобзон в мою поддержку даже дал два концерта для сотрудников МВД. Помню, как он, смеясь, сказал мне после этого: «Алик, ты должен мне два концерта». На самом деле я должен ему гораздо больше. Такую надежную дружбу не купишь ни за какие деньги. Иосиф Кобзон – человек высшей пробы, он для меня – олицетворение чести и верности.

Пока я был заперт за колючей проволокой ИТУ, Иосиф Кобзон и София Ротару неоднократно обращались к министру внутренних дел по поводу моего освобождения, но Федорчук упорствовал. Могу только догадываться, сколько мои добрые друзья выслушали в свой адрес. Любое государство считает себя абсолютно правым, когда сажает кого-то за решетку, поэтому никто из руководства спецслужб не будет одобрительно смотреть на таких знаменитых людей, как Кобзон и Ротару, когда они пытаются «замолвить слово за преступника». Достучаться до сердца чиновника или хотя бы до его разума – задача не из легких.

Когда Федорчука убрали и на его место поставили Власова, Иосиф Давыдович опять обратился в МВД, и министр распорядился, чтобы меня проверили полностью. Как и следовало ожидать, никакого криминала за мной не числилось.

Поведение мое было приличным, ни в каких грехах никто упрекнуть меня не мог. Через некоторое время «отрядный» подал бумагу на имя начальника колонии с прошением о сокращении срока, и в зоне состоялось обсуждение моего дела. Затем было еще одно заседание, после чего приехал судья и здесь же прошло заседание суда, как это обычно бывает при обсуждении вопроса о досрочном освобождении. Первые два заседания состоялись без

моего участия, но на суд меня вызвали. Я с волнением слушал все, что говорили, и мне показалось, будто видел себя откуда-то со стороны, наблюдал за собой, как за посторонним человеком. Впервые я обнаружил, что меня переполняет тревожное ожидание и что каждое слово, произнесенное в мой адрес, я взвешивал, словно на чашах весов, оценивая, как оно повлияет на судью.

И вот решение принято.

Освободить «условно досрочно»... Но имело ли значение для меня в тот момент это «условно досрочно»? Важно было освобождение! Все! Воля! Воздух! Друзья!

В общей сложности я вышел на свободу через девять с половиной месяцев. Признаюсь, опыт зоны повлиял на меня «благотворно». Я не люблю дважды наступать на одни и те же грабли. Пострадав из-за идиотской статьи о тунеядстве, я решил, что надо обязательно работать официально. Мне помогли устроиться в Росконцерт. Я работал в «Электроклубе», это была вотчина Тухманова и Дубовицкого. Там пели Аллегрова, Тальков, Салтыков. Потом я работал у Володи Винокура, трудился в Москонцерте. Но карты я, конечно, бросить не мог...

Глава 5
Великий перелом

Тот, кто думает только о себе и только о сегодняшнем дне, неизбежно совершает ошибки в политике.

ЛАБРЮЙЕР

Без жертв, без усилий и лишений нельзя жить на свете: жизнь – не сад, в котором растут только одни цветы.

ГОНЧАРОВ

Когда в 1985 году к власти пришел Горбачев, никто не представлял, какие грядут времена. «Перестройка» стала самым модным словом. Страна начала не просто поглядывать на Запад, но и заимствовать оттуда то одно, то другое. А там было много такого, о чем мы не имели ни малейшего представления. В том числе это касалось и эстрады. Ломая привитые в СССР нравы, многое предстояло делать «с чистого листа».

В 1987 году меня включили в состав делегации Министерства культуры, и мы отправились в Венгрию. Перед нами стояла задача научиться организовывать большие концерты – на стадионах и т.п. Увидеть Венгрию мне не удалось: во-первых, командировка была короткая, во-вторых, меня подкосила очень высокая температура, и я поначалу хотел даже отказаться от поездки, но затем взял себя в руки и полетел со всеми. Для меня это было важно, очень важно – выехать за границу после тюремного заключения. Загранпоездка казалась мне событием почти вселенского масштаба. Вдобавок уровень делегации был настолько высоким, что было бы величайшей ошибкой отказаться от поездки – в нашу группу входили заместитель министра культуры, Иосиф Кобзон, Володя Киселев из «Землян» и многие другие известные лица. Большая была компания и серьезная.

Повторюсь: мне был важен сам факт выезда за рубеж. Судимость – всегда клеймо, всегда шлейф. Вращаясь среди людей, не имеющих ничего общего с уголовным миром, хотелось, чтобы никто не смотрел на меня, как на прокаженного. Одно дело друзья, другое – новые знакомые, коллеги, партнеры. Выезд за границу означал в определенном смысле мою «реабилитацию». Я

вступил в круг так называемых «благонадежных». Это оказывало большую моральную поддержку и мне, и моим друзьям, хотя все мы знали, что я пострадал безвинно.

Впрочем, грянувшая перестройка принесла стране так много нового, что вскоре судимость по целому ряду статей стала в некотором роде знаком высокого качества, подтверждением настоящей деловой хватки. Прежде всего это касалось тех, кто пострадал на поприще торговли. То, что вчера считалось незаконным, сегодня получило официальный статус свободного предпринимательства. Подпольные советские «цеховики», которых не успели расстрелять за «хищения в особо крупных размерах», стали теперь легальными кооператорами. Разумеется, кооперативы – эти семена будущего капиталистического рынка – выглядели еще жалко, но все-таки они появились и пускали корни всюду.

Должен признаться, мне не верилось, что кооперативы просуществуют долго. Гласность, объявленная Горбачевым, как основа идеологического курса КПСС в первое время произвела ошеломляющее впечатление на страну, но понемногу все привыкли к громким и привлекательным фразам, за которыми, к сожалению, не стояло ничего конкретного. Горбачев любил красоваться на публике, ему нравилось играть роль демократа, который запросто мог появиться на улице и поговорить с простыми людьми о том о сем. Но на одних словах далеко не уедешь. Видя все это, я не верил, что в стране произойдут серьезные изменения. А если и произойдут, то не в лучшую сторону... Однажды большевики уже пытались прибегнуть к НЭПу, но затем только закрутили гайки и нагрянуло время массовых репрессий. НЭП был последним глотком свободного воздуха в советской России. Горбачев тоже объявил НЭП. Оставалось ждать, когда после горбачевского НЭПа начнется ужесточение во всех областях.

Народ шептался, народ тревожился. Бродили всякие неприятные слухи. А когда в «Советской России» появилось письмо Нины Андреевой с гневными обвинениями в адрес перестройки, атмосфера как-то сама собой сделалась душной. Все громче звучали речи ортодоксальных коммунистов о необходимости навести порядок железной рукой, поговаривали о скорой реабилитации Сталина. Нависло предчувствие чего-то страшного.

Мне не хотелось ждать, когда на страну вновь опустится непроглядная туча. А общая ситуация ведь не сулила ничего хорошего. Помню мое безмерное изумление, когда возникли гигантские очереди за хлебом. В Москве хлеб стал дефицитом! В

столице! В магазинах исчезали продукты, появились продовольственные талоны – грозное предзнаменование голодных времен. Пустая говорильня представителей верховной власти начала вызывать раздражение. Страна трещала по швам. Конечно, меня лично не касался дефицит продуктов: с моими деньгами я мог купить что угодно, в ресторанах столы ломились от яств. Однако общая атмосфера в Советском Союзе заставляла задуматься о будущем.

Вдобавок, как картежник, я столкнулся с неожиданной стороной перестройки: как грибы плодились игровые залы, тут и там появлялись казино. Помню, как открывались казино в ресторане «Савой» и гостинице «Ленинградская». Я настороженно наблюдал за этой новой стороной игрового мира. Рулетка развернула перед азартными людьми такие радужные горизонты, что почти весь средний уровень игроков ринулся в казино. Казино – это прямая конкуренция игрокам моего уровня, поэтому крупные карточные игроки начали уходить. Механический мир рулетки выдавливал с игрового поля меня и мне подобных.

Сложившаяся в стране ситуация подталкивала всех к каким-то действиям. Цены стремительно поднимались. До капитализма было еще далеко, а социалистический уклад, гарантировавший каждому кусок хлеба, уже исчез. Наступила эпоха жестокой борьбы за выживание. Люди шли либо в бизнес, либо в бандиты. Бизнес в то время подразумевал только торговлю, а если точнее, то перепродажу по завышенным ценам всего, что можно было продать. Первыми бизнесменами стали те, кого мы совсем недавно презрительно называли словами «фарцовщик» и «барыга». Фарцовщики вызывали во мне неприятное чувство брезгливости. В них не было душевной широты, они жили «из-под полы», от них, на мой взгляд, веяло нечистоплотностью.

Жизнь требовала безотлагательных решений. Пойти в бизнес означало одно – влиться в ряды этих «барыг». Но разве мог я присоединиться к спекулянтам, которых презирал всем сердцем? Все во мне яростно протестовало против того, чтобы посвятить себя торговле. Она, в моих глазах, была тем же барыжничеством, только масштабнее. Должно было пройти время, чтобы мое отношение к торговле, как к спекуляции, сменилось отношением к ней как к нормальному зарабатыванию денег. Необходимо было перейти из одной системы координат в другую. Нужно было, чтобы время размыло границы между «плохим» и «хорошим», между «можно» и «нельзя», между «торговлей» и «спекуляцией». Ценности в СССР резко поменялись, а мышление мое оставалось прежним.

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен

на www.litres.ru